

ЭМИЛЬ
ГАБОРИО

Дело вдовы Леруж

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Эмиль Габорио
Дело вдовы Леруж

«Издательство АСТ»

1866

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Габорио Э.

Дело вдовы Леруж / Э. Габорио — «Издательство АСТ», 1866

ISBN 978-5-17-162581-8

Жестокое преступление потрясло тихий маленький городок Буживаль. Вдова Леруж зверски убита в своем доме. На место преступления направлены следователь Дабюрон, шеф полиции Жевроль и его помощник Лекок, который подключает к делу своего мудрого наставника папашу Табаре по прозвищу Загоню-в-угол. Все улики указывают на молодого человека из хорошей семьи. Кажется, что убийца найден и дело можно закрывать, но некоторые факты заставляют папашу Табаре сомневаться и взглянуть на убийство под другим углом...

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-162581-8

© Габорио Э., 1866
© Издательство АСТ, 1866

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

53

Эмиль Габорио

Дело вдовы Леруж

Émile Gaboriau

L'AFFAIRE LEROUGE

© Перевод. Е. Баевская, 2024

© Перевод. Л. Цывьян, наследники, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Эмиль Габорио (1832–1873) – один из основателей детективного жанра, автор романов о проницательном агенте сыскной полиции Лекоче. Уже значительно позже под влиянием романов Габорио появились сыщики, ставшие любимыми героями у читателей во всем мире: Шерлок Холмс, мисс Марпл, Эркюль Пуаро и комиссар Мегрэ.

I

В четверг 6 марта 1862 года, на второй день Великого поста, в полицию Буживаля явились пять женщин из деревни Ла-Жоншер.

Они заявили, что их соседку, вдову Леруж, одиноко живущую в домике на отшибе, вот уже два дня никто не видел. Несколько раз к ней стучались, но тщетно. Внутрь не заглянуть – дверь заперта, окна плотно закрыты ставнями. Исчезновение хозяйки и тишина в доме насторожили соседок. Заподозрив несчастный случай, а то и преступление, они попросили, чтобы представители закона ради успокоения соседей сообразовали взломать дверь и проникнуть в жилище вдовы.

Буживаль – очаровательное местечко, по воскресеньям сюда стекается множество любителей и любительниц прогулок на лодках; здесь порой совершаются всякие правонарушения, но настоящие преступления редки. Поэтому комиссар сначала отказывался выполнить просьбу женщин. Но те столь долго и упорно настаивали, что он наконец махнул рукой и сдался. Вызвав бригадира жандармерии с двумя жандармами и прихватив слесаря, он вместе с ними последовал за соседками вдовы Леруж.

Деревня Ла-Жоншер приобрела некоторую известность благодаря изобретателю железнодорожной стрелки, на протяжении многих лет скорее настойчиво, чем успешно демонстрирующему публике работу своей системы. Эта захолустная деревушка раскинулась на склоне холма, возвышающегося над Сеной между Мальмезоном и Буживалем. От нее минут двадцать ходьбы до большой дороги, которая, проходя через Рюэйль и Пор-Марли, соединяет Париж с Сен-Жерменом. Ведет в деревню крутой проселок, о котором министерство путей сообщения и слыхом не слыхивало.

Кучка людей с жандармами во главе двинулась по большой дороге, которая в этом месте подходит вплотную к Сене, и вскоре свернула вправо на проселок, прорезанный на склоне холма и защищенный с обеих сторон каменной кладкой. Еще несколько минут, и экспедиция

подошла к жилищу вдовы Леруж, более чем скромному, но с виду вполне приличному. Этот домик, или скорее хижину, построил, вероятно, какой-нибудь парижский лавочник – большой любитель природы, поскольку все деревья вокруг были заботливо вырублены. Узкий по фасаду, но зато вытянутый в глубину двора, одноэтажный домик состоит из двух комнат и чердака. Вокруг раскинулся запущенный сад, защищенный от воров метровой оградой, сложенной из плоских камней и местами уже обвалившейся. В сад ведет деревянная решетчатая калитка, подвешенная на проволочных петлях.

– Это здесь, – объявили женщины.

Комиссар полиции остановился. По пути его свита изрядно пополнилась за счет окрестных ротозеев и бездельников. Окружало его уже человек сорок.

– В сад никого не пускать, – приказал он и, выставив для верности у калитки двух жандармов, пошел к дому в сопровождении бригадира и слесаря.

Набалдашником своей залитой свинцом трости он несколько раз громко постучал сперва в дверь, затем поочередно в ставни. После каждого удара внимательно прислушивался, но, не дождавшись ответа, велел слесарю:

– Открывайте.

Тот расстегнул сумку с инструментами и достал все необходимое. Не успел он вставить отмычку в замочную скважину, как зеваки загалдели:

– Ключ! Вот ключ!

Оказывается, игравший с приятелем мальчуган лет двенадцати заметил в придорожной канаве огромный ключ, выудил его и с победным видом принес к дому.

– Давай его сюда, мальчик, – сказал бригадир, – сейчас проверим.

Ключ подошел. Комиссар и слесарь переглянулись, полные самых мрачных предчувствий.

– Худо дело, – проворчал бригадир, и они вошли в дом.

У калитки, с трудом сдерживаемая жандармами, волновалась толпа; люди вытягивали шеи, влезали на стену, только бы хоть что-нибудь увидеть.

Заподозрившие преступление, к несчастью, не ошиблись: едва ступив на порог, комиссар в этом убедился. Первая комната мрачно и красноречиво свидетельствовала о том, что в ней побывали злоумышленники. Комод и два сундука были взломаны и разворочены. Во второй комнате, служившей спальней, царил еще больший беспорядок. Казалось, здесь неистовствовал какой-то безумец и перевернул все вверх дном.

У камина, уткнувшись лицом в золу, распростерлось бездыханное тело вдовы Леруж. Щека и волосы у нее обгорели, лишь чудом огонь не перекинулся на одежду.

– Ох, негодяи! – пробормотал бригадир. – Не могли просто ограбить, обязательно нужно было убить!

– Но куда же ее ударили? – спросил комиссар. – Я не вижу крови.

– Сюда, господин комиссар, между лопаток, – ответил жандарм. – Какие две раны, черт побери! Клянусь моими нашивками, она и охнуть не успела.

Он нагнулся и притронулся к телу.

– Да она совсем холодная! Окоченение, похоже, уже проходит – видимо, убийство произошло около двух суток назад.

Комиссар, кое-как пристроившись на краешке стола, писал протокол осмотра места преступления.

– Нужно не разглагольствовать, а искать виновных, – заметил он бригадиру. – Сообщите мировому судье и мэру. Кроме того, необходимо доставить в Париж в прокуратуру это письмо. Следователь сможет быть здесь часа через два. А пока я займусь предварительным расследованием.

– Письмо отвезти мне? – спросил бригадир.

– Нет. Пошлите кого-нибудь из своих людей, а вы мне понадобится здесь – будете сдерживать любопытных и приводить свидетелей. Тут ничего не трогать, я расположусь в соседней комнате.

Посланный жандарм поспешил на станцию в Рюэйль, а комиссар немедленно приступил к предписанным законом предварительным опросам. Кто такая была вдова Леруж, откуда родом, чем занималась, на что и как жила? Какие были у нее привычки, характер, знакомства? Имелись ли враги, не слыла ли она скупой, не могли ли ее убить из-за денег? Это и пытался узнать комиссар.

Однако свидетели, хотя и многочисленные, осведомленностью похвастаться не могли. Показания соседей были бессодержательны, отрывочны и туманны. Вдова была не здешней, никто о ней ничего не знал. Вдобавок многие приходили не затем, чтобы что-то сообщить, а скорее в надежде самим поживиться известиями. Только садовница, водившая дружбу с вдовой Леруж, да хозяйка молочной, у которой покойная делала покупки, дали кое-какие не особенно важные, но, во всяком случае, точные сведения.

В конце концов после трех часов утомительных допросов, выслушав все местные переуды и собрав воедино самые противоречивые показания и нелепые сплетни, комиссар располагал некоторыми более или менее достоверными фактами.

Два года назад, в начале 1860 года, г-жа Леруж прибыла в Буживаль с фургоном, полным мебели, белья и прочего скарба. Остановившись в гостинице, она объявила о своем намерении обосноваться в этих местах и сразу же начала присматривать дом. Найдя жилище по своему вкусу, она, не торгуясь, сняла его за 320 франков с уплатой вперед за полгода, однако арендный договор подписать отказалась.

В тот же день она въехала и почти сто франков истратила на ремонт дома. Вдове Леруж было года пятьдесят четыре – пятьдесят пять, она неплохо сохранилась и отличалась отменным здоровьем. Почему она поселилась в местах, где решительно никого не знала, – неизвестно. Предполагали, что родом она из Нормандии, так как по утрам ее часто видели в хлопчатом чепце. Приверженность к этому ночному головному убору нисколько не мешала ей днем одеваться весьма кокетливо. Обычно она носила нарядные платья и шляпки со множеством лент, а также увешивала себя уймой украшений. Без сомнения, в свое время она жила где-то на побережье, потому что море и корабли не сходили у нее с языка.

О своем муже говорить она не любила. По ее словам, он погиб при кораблекрушении. Больше никаких подробностей о нем она не сообщала. Только однажды при трех посторонних сказала молочнице: «Ни одна женщина не была так несчастлива в браке, как я». В другой раз бросила: «Что ново, то и мило: покойный любил меня всего год».

Вдова Леруж слыла богатой или по крайней мере зажиточной, но скупой не была: однажды ссудила женщину из Мальмезона шестьюдесятью франками, не назначая срока, и с возвратом не торопила. А еще как-то дала займы двести франков рыбаку из Пор-Марли. Она жила в свое удовольствие, много тратила на еду, вино же заказывала целыми бочонками. Ей нравилось угощать знакомых, обеды у нее были превосходны. Когда ей делали комплименты по поводу ее богатства, она особенно не протестовала. Люди слышали, как она говорила: «Купоны я не стригу, но и не бедствую. Если мне понадобится, у меня будет больше».

Ни разу не обмолвилась она, хотя бы намеком, о своем прошлом, о родине, о семье. И хоть была чрезвычайно разговорчива, ни разу ни единого доброго слова не сказала о ком-нибудь из ближних. Можно предположить, что она повидала и жизнь, и мир. Была очень подозрительна и дома у себя запиралась, словно в крепости. По вечерам из дому не выходила; все знали, что за ужином она изрядно напивается и сразу ложится спать. Посторонних у нее видели редко: раз пять даму с молодым человеком и однажды двух мужчин – старика с орденом и юношу. Эти приезжали в роскошной карете.

В общем и целом мнение о вдове Леруж сложилось невысокое. Речи ее частенько бывали малопристойны и странны для женщины ее возраста. Однажды слышали, как она давала молодой девушке советы самого гнусного свойства. Тем не менее колбасник из Буживаля, дела которого пошатнулись, попытался посвататься к ней. Однако она дала ему от ворот поворот, сказав, что с нее вполне довольно и одного замужества. Соседи не раз видели, как к ней приходили мужчины. Сначала это был молодой человек, похожий на железнодорожного служащего, потом высокий пожилой брюнет в блузе, отличавшийся необычайно свирепой наружностью. Полагали, что тот и другой – ее любовники.

Комиссар продолжал расспросы и записывал свидетельские показания; за этим и застал его судебный следователь. Он привез с собой начальника уголовной полиции вместе с одним из его помощников.

Следователь г-н Дабюрон, тот самый, который впоследствии, к удивлению друзей, подал в отставку и удалился на покой как раз тогда, когда перед ним открывалась карьера, был статный мужчина тридцати восьми лет, весьма привлекательной наружности, с добрым и немного печальным лицом. Это печальное выражение осталось у него после тяжелой болезни, случившейся два года назад и чуть было не сведшей его в могилу.

Исполняя должность судебного следователя с 1859 года, он очень скоро приобрел блестящую репутацию. Трудолюбивый, терпеливый, одаренный здравым и острым умом, он с редкой проницательностью умел распутать самое сложное дело, из тысячи нитей выбрать единственную, путеводную. Обладая железной логикой, он был непревзойденным мастером решать труднейшие задачи, в которых искомой величиной является преступник. Легко восходя от известного к неизвестному, он в совершенстве владел искусством собирать факты и превращать ничтожные и на первый взгляд несущественные обстоятельства в неопровержимые улики.

Однако, несмотря на все эти редкие качества, нельзя было сказать, что он рожден для подобной деятельности. Он занимался ею с содроганием и с превеликой осторожностью пользовался своей огромной властью. Ему не хватало дерзости для рискованных эффектов, в результате которых проявляется истина.

Г-н Дабюрон с трудом приспособлялся к иным методам, используемым без зазрения совести наиболее суровыми из его собратьев. Ему, к примеру, претило обманывать обвиняемого и ставить ему ловушки. В прокуратуре о г-не Дабюроне отзывались: «Трусоват». А все дело было в том, что при одном воспоминании об известных судебных ошибках волосы у него вставали дыбом. Ему нужны были не внутренняя убежденность, не предположения, пускай самые правдоподобные, а только самые непреложные доказательства. Он не давал себе отдыха вплоть до дня, когда обвиняемый склонит голову перед уликами. Товарищ прокурора, смеясь, даже упрекал его, что он ищет не столько преступников, сколько невиновных.

Начальником уголовной полиции в ту пору был прославленный Жевроль, которому еще предстоит сыграть важную роль в драме наших героев. Человек он был несомненно способный, однако ему недоставало настойчивости, а кроме того, его частенько ослепляло невероятное упрямство. Потеряв след, он не желал в этом признаться, а тем более возвращаться назад. Он обладал замечательной отвагой и хладнокровием, и ничто не могло привести его в замешательство. Тая в сухощавом теле поистине геркулесову силу, Жевроль не колеблясь шел один на один с самыми опасными преступниками.

Но главной его особенностью, гордостью и величайшим достоинством была выдающаяся, необычайная память на лица. Достаточно ему было в течение пяти минут посмотреть на человека – и все: тот навсегда запечатлевался в его памяти. Отныне Жевроль мог узнать его где угодно и когда угодно. Ни самое невероятное окружение, ни самое немыслимое стечение обстоятельств не способны были сбить его с толку. Он уверял, что, глядя на человека, запоминает только его глаза. Людей он узнавал по взгляду, не обращая внимания на черты лица.

Несколько месяцев назад в Пуасси был проведен опыт. На троих арестантов набросили покрывала, чтобы скрыть особенности сложения каждого, на головы надели плотные капюшоны с вырезами для глаз и в таком виде показали Жевролю. Он тут же, ничуть не колеблясь, назвал трех своих бывших подопечных. Только ли случай помог ему в этом?

Помощником Жевроля в ту пору был ставший на праведный путь бывший правонарушитель – великий пройдоха и весьма искусный в сыском деле молодчик, к тому же люто завидовавший начальнику полиции, которого он считал посредственностью. Звали его Лекок.

Комиссар, начавший уже тяготиться ответственностью, встретил следователя и двух полицейских как избавителей. Он вкратце изложил факты и прочел составленный им протокол.

– Вы действовали совершенно правильно, сударь, – заявил судебный следователь, – все сделано безукоризненно, однако кое о чем вы забыли.

– О чем, господин следователь? – переполошился комиссар.

– Когда вдову Леруж видели в последний раз и в котором часу?

– Сейчас дойду и до этого. Ее видели вечером во вторник в пять двадцать. Она возвращалась из Буживаля с корзиной съестного.

– Господин комиссар, а вы уверены, что время указано точно? – поинтересовался Жевроль.

– Вполне, поскольку имеются совпадающие показания двух свидетелей – госпожи Телье и бочара, которые живут неподалеку. Они сошли с омнибуса, отправляющегося из Марли каждый час, и заметили на проселочной дороге вдову Леруж. Прибавив шагу, они догнали ее и беседовали с нею до самого ее дома.

– А что было у нее в корзине? – осведомился г-н Дабюрон.

– Этого свидетели не знают. Им известно только, что она несла две запечатанные бутылки вина да литровую бутылку водки. Вдова жаловалась на головную боль и сказала, что, хотя в канун поста принято веселиться, она собирается лечь спать.

– Ну что ж! – воскликнул начальник полиции. – Я знаю, где следует искать.

– В самом деле? – промолвил г-н Дабюрон.

– Черт возьми, да это же яснее ясного. Нужно найти высокого брюнета в блузе. Водка и вино предназначались ему. Вдова ждала его к ужину. Вот он и пришел, любезный воздыхатель.

– Однако, – осторожно вмешался явно несогласный с ним бригадир, – она ведь была нехороша собой и довольно стара.

Жевроль с насмешкой взглянул на честного жандарма.

– Да будет вам известно, бригадир, – сказал он, – что женщина при деньгах молода и мила всегда, когда ей это нужно.

– Быть может, в этом что-то есть, – отозвался следователь, – однако меня скорее заставляют задуматься слова вдовы Леруж: «Если понадобится, будет и больше».

– Я тоже обратил на них внимание, – поддержал его комиссар.

Но Жевроль уже не давал себе труда слушать. Словно взяв след, он принялся кропотливо изучать все уголки комнаты. Потом вдруг подскочил к комиссару.

– Не во вторник ли, – спросил он, – изменилась погода? Две недели подмораживало, а потом полило. В котором часу пошел здесь дождь?

– В половине десятого, – ответил бригадир. – Я поужинал и решил обойти танцевальные заведения, и как раз на Рыбачьей улице меня застиг ливень. За десять минут на дороге образовался слой воды с полдюйма.

– Отлично! – сказал Жевроль. – Стало быть, если этот субъект явился сюда после половины десятого, башмаки у него должны были быть в грязи; в противном случае он пришел раньше. Были тут чьи-нибудь следы, господин комиссар?

– Должен признаться, мы не обратили внимания.

– А вот это весьма досадно, – с неудовольствием отозвался Жевроль.

– Погодите, – сказал комиссар, – мы можем проверить, нет ли их в другой комнате. Там ничего не трогали. Мои следы и следы бригадира отличить легко. Давайте-ка посмотрим.

Комиссар отворил дверь, и Жевроль первым делом остановил г-на Дабюрона:

– Прошу вас, господин следователь, позволить мне произвести тщательный осмотр, прежде чем туда кто-либо войдет. Мне это крайне важно.

– Ну разумеется, – согласился г-н Дабюрон.

Жевроль встал в дверях, остальные столпились у него за спиной. С этого места они могли обозреть место преступления. Все здесь, как и докладывал комиссар, было перевернуто вверх дном.

Посреди комнаты возвышался стол, накрытый тонкой белоснежной скатертью. На нем стояли изящный бокал граненого хрусталя, фарфоровая тарелка и лежал очень красивый нож. Была там и початая бутылка вина, а также бутылка водки, из которой отпито лишь несколько рюмок.

У правой стены по обе стороны окна помещались два великолепных шкафа орехового дерева с бронзовыми накладками изящнейшей работы. Шкафы были пусты, их содержимое – скомканное платье и белье – валялось по всей комнате.

В глубине у камина зиял распахнутый настезь стенной шкаф с посудой. По другую сторону камина стоял взломанный старинный секретер с треснувшей мраморной доской, в котором кто-то явно обшарил все до последнего уголка. Оторванная откидная полка болталась на одной петле, вытащенные ящики были брошены на пол.

Слева находилась развороченная постель. Даже тюфяк был вспорот.

– Никаких следов, – проворчал раздосадованный Жевроль. – Он явился до половины десятого. Теперь можно смело входить.

Начальник полиции перешагнул порог и, подойдя к трупам вдовы Леруж, опустился на колени.

– Ничего не скажешь, чистая работа, – пробормотал он. – Убийца явно не новичок. – Затем, оглянувшись по сторонам, добавил: – Ого! Бедняжка стряпала, когда ей нанесли удар. Сковородка, ветчина, яйца – все на полу. Мерзавец не дождался ужина. Он, видите ли, торопился и убил натошак. Да, оправдаться тем, что за столом он выпил лишнюю рюмку, ему не удастся.

– Все ясно, – обратился комиссар полиции к следователю. – Убийство совершено с целью ограбления.

– Надо думать, – насмешливо ответил Жевроль. – Именно поэтому на столе и нет никакого серебра.

– Смотрите-ка, в этом ящике золотые монеты! – воскликнул Лекок, который тоже шарил по всем углам комнаты. – Целых триста двадцать франков!

– Вот те на! – протянул несколько сбитый с толку Жевроль, но быстро оправился от удивления и продолжал: – Он про них забыл. Иной раз и не такое случается. Я сам видел однажды преступника, который, совершив убийство, настолько потерял голову, что забыл, зачем пришел, и убежал, так ничего и не взяв. Вероятно, наш молодчик разволновался. А может, ему помешали? Кто-то мог, например, постучать в дверь. И вот что заставляет меня в это поверить: негодяй не поленился задуть горевшую свечу.

– Да будет вам! – прервал Лекок. – Это ничего не доказывает. Может, он просто бережливый и аккуратный человек.

Полицейские обшарили весь дом, но самые тщательные их поиски не увенчались успехом: они не нашли ничего – ни единой улики, ни малейшей зацепки, которая могла бы служить отправной точкой для следствия. К тому же все бумаги вдовы Леруж, если таковые у нее и были, исчезли. Ни письма, ни листка бумаги – решительно ничего. Жевроль время от времени бранился и ворчал.

– Ловко! Первоклассная работа. Этот негодяй – малый не промах.

– Итак, господа? – спросил наконец следователь.

– Нас обставили, господин следователь, – отозвался Жевроль, – и ловко обставили! Злодей принял все возможные меры предосторожности. Но от меня он не уйдет. Уже к вечеру дюжина моих людей будет искать его. К тому же деваться ему некуда. Он ведь унес деньги и драгоценности – это его и погубит.

– При всем том, – ответил г-н Дабюрон, – с утра мы не очень-то продвинулись.

– Ну уж не знаю! Сделано все, что можно, – проворчал Жевроль.

– Черт побери! – вполголоса произнес Лекок. – А почему не позвали папашу Загоню-в-угол?

– Ну и чем бы он нам помог? – возразил Жевроль, бросив на подчиненного неприязненный взгляд.

Лекок молча опустил голову, радуясь про себя, что задел начальника за живое.

– Кто такой этот папаша Загоню-в-угол? – поинтересовался следователь. – Кажется, это прозвище я уже где-то слышал.

– Ну, ему палец в рот не клади! – воскликнул Лекок.

– Это бывший служащий ссудной кассы, богатый старик, его настоящая фамилия Табаре, – пояснил Жевроль. – В полиции он служит по той же причине, по какой Анселен стал торговым приставом, – из любви к искусству.

– И ради умножения доходов, – добавил комиссар.

– Вот уж нет! – возразил Лекок. – Он считает этот труд делом чести и нередко тратит на расследование собственные деньги. В сущности, для него это развлечение. Мы прозвали его Загоню-в-угол, потому что он вечно повторяет эту фразу. О, это дока! В деле с женой того банкира именно он догадался, что она инсценировала кражу, и доказал это.

– Верно, но он же чуть не отправил на гильотину беднягу Дерема, портняжку, которого обвиняли в убийстве жены-потаскухи, тогда как он был невиновен, – парировал Жевроль.

– Мы теряем время, господа, – прервал спор следователь и, обратясь к Лекоку, попросил: – Разыщите этого папашу Табаре. Я много о нем слышан и хотел бы увидеть его в деле. Лекок убежал, Жевроль же почувствовал себя оскорбленным.

– Господин следователь, – начал он, – вы, конечно, имеете право привлекать к расследованию кого вам заблагорассудится, однако...

– Не будем ссориться, господин Жевроль, – сказал г-н Дабюрон. – Я знаю вас не первый день и высоко ценю, но сегодня наши мнения разошлись. Вы упорно настаиваете, что преступление совершил тот черноволосый, я же убежден, что вы на ложном пути.

– Полагаю, что я прав, – ответил начальник полиции, – и надеюсь доказать это. Я найду негодяя, как бы хитер он ни был.

– Именно это мне и надо.

– Только позвольте, господин следователь, дать вам – как бы так выразиться, чтобы это не выглядело неуважительно, – дать вам совет.

– Слушаю вас.

– Так вот: я призываю вас, господин следователь, не слишком доверяться папаше Табаре.

– Вот как! И почему же?

– Он чересчур увлекается. В сыском деле ему важен лишь успех – точь-в-точь как какому-нибудь сочинителю. А поскольку он тщеславен, как павлин, то запросто может поддаться порыву и попасть впросак. Столкнувшись с преступлением, к примеру, таким, как это, он сочтет, что способен все объяснить, не сходя с места. И впрямь, он тут же сочиняет историю, которая как нельзя лучше будет соответствовать обстоятельствам. Этот Табаре воображает, что может по одному факту восстановить сцену убийства, – ну, вроде как тот ученый, что по одной

кости восстанавливал облик допотопных животных. Порой он угадывает верно, но частенько и ошибается. Вот, например, в деле портного, этого несчастного Дерема, если бы не я...

– Благодарю за предупреждение, – прервал его г-н Дабюрон, – не премину принять его во внимание. А сейчас, господин комиссар, нужно обязательно попытаться узнать, откуда родом эта вдова Леруж.

Вновь потянулась – на сей раз уже перед следователем – вереница свидетелей, вызываемых бригадиром. Однако они не сообщили ничего нового. По-видимому, вдова Леруж отличалась исключительной скрытностью: из всех ее речей – а почесать язык она любила – в памяти окрестных кумушек не задержалась ни одна существенная деталь.

Все допрошенные лишь старательно излагали следователю собственные предположения и доводы. Общее мнение явно склонялось на сторону Жевроля. Все в один голос обвиняли высокого черноволосого мужчину в серой блузе. Кому и быть убийцей, как не ему? Люди вспоминали его свирепый вид, наводивший страх на всю округу. Многие, пораженные его подозрительной внешностью, благоразумно его избегали. Однажды вечером он якобы угрожал женщине, в другой раз ударил ребенка. Ни женщины, ни ребенка назвать никто не мог, но тем не менее эти жестокие поступки были известны всем.

Г-н Дабюрон уже отчаялся внести в дело хоть какую-нибудь ясность, когда к нему привели тринадцатилетнего мальчика и бакалейщицу из Буживаля, у которой покойная покупала съестное; оба, похоже, знали что-то важное. Первой вошла торговка. Она сказала, что слышала, как вдова Леруж говорила о своем сыне.

– Вы в этом уверены? – усомнился следователь.

– Не сойти мне с этого места! – ответила торговка. – Помню даже, что в тот вечер – это случилось вечером – она была, с позволения сказать, малость под хмельком. Просидела у меня в лавке больше часа.

– И что же она говорила?

– Как сейчас вижу, – продолжала женщина, – стоит, облокотившись о прилавок, рядом с весами и шутит с рыбаком из Марли, папашей Юссоном – он может вам подтвердить, – дразнит его «горе-морьяком». «Вот мой муж, – сказала она, – тот был в самом деле морьяк, потому что уходил в море на целые годы и всегда привозил мне кокосовые орехи. Мой сын – тоже морьяк, как покойный отец, плавает на военном корабле».

– Она не упомянула, как зовут сына?

– Говорила, но не в тот раз, а в другой, когда была, не побоюсь сказать, и вовсе пьяна. Все твердила, что его зовут Жак и что она очень давно с ним не виделась.

– Не отзывалась ли она дурно о муже?

– Никогда. Говорила только, что покойный был ревнивец и грубиян, но, в сущности, добрый малый, и что жилось ей с ним несладко. Умом он был слаб и вечно воображал себе невесту что. К тому же чересчур был честен – сущий простофиля.

– Навещал ли ее сын, после того как она поселилась в Ла-Жоншер?

– Мне она ничего об этом не говорила.

– Она тратила у вас много денег?

– Когда как. В месяц покупала у нас франков на шестьдесят, иногда больше – когда требовала выдержанный коньяк. Платила всегда наличными.

Больше торговка ничего не знала, и ее отпустили. Сменивший ее мальчик оказался весьма общительным. Для своих лет он выглядел высоким и крепким. У него был смысленный взгляд и живая, любопытная физиономия. Перед следователем он, казалось, вовсе не робел.

– Ну, так что же тебе известно, мальчик? – спросил следователь.

– На той неделе, в воскресенье, сударь, я видел у садовой калитки госпожи Леруж какого-то мужчину.

– В какое время дня?

- Рано утром, я как раз шел в церковь к заутрене.
- Понятно, – сказал следователь. – И мужчина этот был высокий, черноволосый, в серой блузе...
- Нет, сударь, напротив, маленький, приземистый, очень толстый и довольно старый.
- Ты не ошибаешься?
- Вот еще! – обиделся мальчик. – Я с ним разговаривал и видел его, как вас.
- Ну-ка, ну-ка, расскажи.
- Я как раз, сударь, шел мимо, когда увидел у калитки этого толстяка. Он был злощип-презлющий – просто ужас. Весь красный, даже макушка багровая. Я хорошо разглядел: он был без шляпы и почти лысый.
- И он заговорил с тобой?
- Да, сударь. Он меня заметил и окликнул: «Эй, малыш!» Я подошел. «Скажи-ка, – спросил он, – ты легок на ногу?» Я ответил: «Да». Тогда он взял меня за ухо, но не больно и сказал: «Коли так, сослужи-ка мне службу, а я дам тебе десять су. Беги к Сене. Возле пристани увидишь большое пришвартованное судно, зайдешь на него и спросишь патрона Жерве. Не беспокойся, он будет там; скажи, чтобы собирался отплывать, я готов». После этого он сунул мне в руку десять су, и я ушел.
- Как было бы приятно, – пробормотал комиссар, – если бы все свидетели были такие, как этот мальчишка.
- А теперь расскажи, как ты справился с поручением, – попросил следователь.
- Пошел на судно, сударь, нашел хозяина и передал, что было велено, – вот и все. Жевроль, слушавший с самым живым вниманием, наклонился к уху г-на Дабюрона.
- Господин следователь, – прошептал он, – не позволите ли мне задать парнишке несколько вопросов?
- Разумеется, господин Жевроль.
- Скажи, мой юный друг, – спросил полицейский, – узнаешь ты этого человека, если увидишь снова?
- Еще бы, конечно!
- Значит, в нем было что-то особенное?
- Ну да – лицо кирпичного цвета.
- И все?
- Все, сударь.
- Но ты видел, как он был одет. На нем была блуза?
- Нет, куртка с большими карманами. Из одного торчал уголок платка в голубую клетку.
- А какие были на нем штаны?
- Не помню.
- А жилет?
- Погодите-ка, – задумался мальчик. – Жилет? По-моему, жилета не было. Да, не было, потому что... Ну конечно, вспомнил: он был без жилета, но в галстук, концы которого были продеты в большое кольцо.
- А ты, малыш, не дурак, – с удовлетворением сказал Жевроль. – Держу пари, что, хорошенько подумав, ты вспомнишь еще что-нибудь.
- Мальчик молча опустил голову. По морщинам на его юном лбу можно было догадаться, что он отчаянно напрягает память.
- Точно! – вдруг воскликнул он. – Вспомнил!
- Ну?
- Этот человек носил большие серьги.
- Bravo! – вскричал Жевроль. – Примет вполне достаточно. Я его разыщу, а вы, господин следователь, можете заготовить для него вызов в суд.

– Я полагаю, что показания этого мальчика, пожалуй, самые важные, – отозвался г-н Дабюрон и, обратившись к пареньку, спросил: – Не скажешь ли, мой юный друг, что за груз был на судне?

– Вот этого не знаю, сударь: судно-то было палубное.

– Оно шло вверх или вниз по Сене?

– Но оно ведь стояло, сударь.

– Это понятно, – пояснил Жевроль. – Господин следователь спрашивает, в какую сторону был повернут нос судна: к Парижу или к Марли?

– Оба конца судна показались мне одинаковыми.

Начальник полиции разочарованно развел руками.

– Но ты, – обратился он к мальчику, – мог заметить название судна: ты ведь умеешь читать? Следует всегда смотреть, как называется судно, на которое заходишь.

– Я не видел названия, – ответил парнишка.

– Если судно стояло в нескольких шагах от причала, – вмешался г-н Дабюрон, – на него могли обратить внимание жители Буживаля.

– Господин следователь прав, – поддержал комиссар.

– Верно, – согласился Жевроль. – Да и матросы наверняка сходили на берег и заглядывали в трактир. А этот патрон Жерве, как он выглядел?

– Как все здешние речники, сударь.

Мальчик собрался уходить, но следователь остановил его.

– Прежде чем уйти, мой мальчик, скажи: говорил ты кому-нибудь об этой встрече?

– В воскресенье, вернувшись из церкви, я все рассказал матери, сударь, и даже отдал ей десять су.

– А ты ничего от нас не скрыл? – продолжал следователь. – Утаивать истину от правосудия – тяжкий проступок. Оно все равно до всего дознается, и должен тебя предупредить, что для лгунов существуют страшные наказания.

Юный свидетель покраснел как помидор и опустил глаза.

– Вот видишь, ты от нас что-то скрыл. Разве ты не знаешь, что полиции известно все?

– Простите, сударь, – воскликнул мальчик, заливаясь слезами, – простите, не наказывайте меня, я никогда больше не буду!

– Говори же, в чем ты нас обманул?

– Сударь, этот человек дал мне не десять, а двадцать су. Десять я отдал матери, а десять оставил себе, чтобы купить шарики.

– Мой юный друг, – успокоил его следователь, – на этот раз я прощаю тебя. Но пусть это послужит тебе уроком на всю жизнь. Ступай и запомни: скрывать правду бесполезно, она всегда выйдет наружу.

II

Последние показания, добытые следователем, давали хоть какую-то надежду. Ведь и ночник во мраке сияет, словно маяк.

– Господин следователь, я хотел бы сходить в Буживаль, если вы не возражаете, – сообщил Жевроль.

– Вероятно, вам лучше немного подождать, – ответил г-н Дабюрон. – Этого человека видели в воскресенье утром. Давайте узнаем, как вела себя в тот день вдова Леруж.

Позвали трех соседок. Они в один голос заявили, что все воскресенье она провела в постели. Когда одна из соседок осведомилась у вдовы, что с ней произошло, та ответила: «Ах, этой ночью случилось нечто ужасное». Тогда этим словам никто не придавал значения.

– Человек с серьгами становится для нас все важнее, – сказал следователь, когда женщины ушли. – Его необходимо найти. Это относится к вам, господин Жевроль.

– Не пройдет и недели, как я его отыщу, – ответил начальник полиции. – Сам обшарю все суда на Сене – от истока до устья. Хозяина зовут Жерве – хоть какие-то сведения в управлении судоходства я о нем добуду.

Речь его была прервана появлением запыхавшегося Лекока.

– А вот и папаша Табаре, – объявил он. – Я встретил его, когда он выходил из дома. Что за человек! Даже не захотел дожидаться поезда. Уж не знаю, сколько он дал кучеру, но мы домчались сюда за четверть часа. Быстрее, чем на поезде!

Вслед за Лекоком на пороге появился некто, чья внешность, надо признать, никоим образом не отвечала представлению о человеке, которого полиция почтила разрешением работать на нее.

Было ему лет шестьдесят, и возраст, похоже, давал уже о себе знать. Невысокий, сухопарый и сутуловатый, он опирался на трость с резным набалдашником слоновой кости.

С его круглого лица не сходило выражение тревожного изумления; двое комиков из Пале-Рояля сколотили бы себе состояние на таких физиономиях, как у него. Маленький подбородок вошедшего был тщательно выбрит, пухлые губы свидетельствовали о простодушии, а неприятно вздернутый нос напоминал раструб инструмента, изобретенного г-ном Саксом¹. Крохотные тускло-серые глазки с покрасневшими веками не выражали решительно ничего, однако раздражали невероятной подвижностью. Редкие прямые волосы не закрывали больших оттопыренных ушей и ниспадали челкой на покатый, точно у борзой, лоб.

Одет он был добротной и опрятно: ослепительной белизны белье, на руках шелковые перчатки, на ногах гамаша. Длинная, чрезвычайно массивная золотая цепь редкой безвкусы трижды обвивалась вокруг его воротничка и скрывалась в жилетном кармане.

Папаша Табаре по прозвищу Загоню-в-угол поклонился прямо в дверях, согнув дугой свой старый позвоночник, и смиренно спросил:

– Благоволили послать за мной, господин судебный следователь?

– Да, – ответил г-н Дабюрон и подумал: «Может, он человек и способный, но по виду этого не скажешь».

– Я всецело в распоряжении правосудия, – продолжал г-н Табаре.

– Надеюсь, – сказал следователь, – вы окажетесь удачливее нас и найдете какую-либо улику, которая поможет напасть на след убийцы. Сейчас мы вам все объясним.

– Мне известно вполне достаточно, – прервал его папаша Табаре. – Лекок по дороге рассказал, что тут произошло. Я знаю столько, сколько мне нужно.

– И все-таки... – недовольно произнес комиссар.

– Положитесь на меня, господин следователь. Приступая к делу, я предпочитаю не знать подробностей и больше доверяться собственным впечатлениям. Когда тебе известно чужое мнение, волей-неволей поддаешься ему и... Впрочем, я начну расследование вместе с Лекоком.

Глазки у папаши Табаре разгорелись и сверкали, словно карбункулы. Лицо светилось от внутреннего ликования; казалось, оно лучится каждой морщинкой. Он выпрямился и стремительно ринулся во вторую комнату.

Пробыв там около получаса, он также бегом вылетел обратно. Потом снова скрылся в ней, выскочил еще раз и почти сразу же куда-то убежал. Следователь не преминул заметить про себя, что старик беспокоен и резв, словно гончая, идущая по следу. Его вздернутый нос вздрагивал, словно пытаясь уловить еле слышный запах убийцы. Носясь туда и сюда, папаша Табаре непрерывно жестикулировал и говорил сам с собой: то отчитывал и бранил себя, то

¹ Сакс, Адольф (1814–1894) – бельгийский мастер духовых инструментов, изобретатель саксофона (1843), который в описываемое время был модной новинкой. – (Здесь и далее примечания переводчиков).

подбадривал, то издавал торжествующие возгласы. Лекоку он не давал ни секунды покоя и все время что-то просил у него: сперва бумагу и карандаш, потом лопату, а то вдруг потребовал немедленно добыть гипс, воду и бутылку масла.

Приблизительно через час следователь, уже начинавший проявлять признаки нетерпения, осведомился о своем добровольном помощнике.

– Трудится, – ответил бригадир. – Лежит на животе в грязи и размешивает в тарелке гипс. Говорит, что почти закончил и скоро придет.

И верно, почти тут же папаша Табаре вернулся – радостный, торжествующий, помолодевший лет на двадцать. За ним вошел Лекок, с большою осторожностью неся вместительную корзину.

– Все совершенно ясно, – заявил старичок следователю. – Теперь загнать его в угол проще простого. Лекок, дитя мое, поставь корзину на стол.

В комнату вошел Жевроль и тоже с весьма удовлетворенным видом.

– Я напал на след человека с сергами, – сообщил он. – Судно шло вниз по реке. У меня есть точные приметы хозяина судна Жерве.

– Слушаю вас, господин Табаре, – произнес следователь.

Тот выложил на стол содержимое корзины: большой ком жирной глины, несколько больших листов бумаги и несколько еще не засохших комков гипса. Стоя перед столом, он представлял собою фигуру почти гротескную и сильно напоминал тех господ, которые выманивают на ярмарках у зрителей деньги, показывая фокусы. Одежда папаша Табаре сильно пострадала: он был весь в грязи.

– Я начинаю, – произнес он наконец с притворной скромностью. – Убийство, которым мы занимаемся, не имело своей целью ограбление.

– Напротив! – пробормотал Жевроль.

– Я докажу это с полной очевидностью, – продолжал папаша Табаре. – Я также выскажу свои скромные соображения о причине убийства, но это позже. Итак, убийца прибыл сюда до половины десятого, то есть перед дождем. Я, как и господин Жевроль, грязных следов не нашел, однако под столом, куда преступник ставил ноги, обнаружил немножко пыли. Стало быть, время мы установили. Вдова Леруж не ждала посетителя. Когда он постучал, она уже начала раздеваться и как раз заводила часы с кукушкой.

– Вот так подробности! – воскликнул комиссар.

– Установить их нетрудно, – охотно пояснил полицейский. – Осмотрите часы над секретером. Завода у них хватает часов на четырнадцать-пятнадцать, не больше – я в этом убедился. Значит, вдова скорее всего заводила их вечером перед сном. Как же могло случиться, что они остановились на пяти часах? Вдова их трогала. Когда к ней постучались, она начала подтягивать гирию. В подтверждение моей догадки мне хотелось бы обратить ваше внимание на стул, стоящий под часами: на его обивке ясно виден отпечаток ноги. Теперь взгляните на одежду жертвы: лиф ее платья расстегнут. Торопясь открыть, она не стала его застегивать, а просто набросила на плечи старый платок.

– Черт поberi! – воскликнул явно заинтригованный бригадир.

– Вдова знала пришедшего, – продолжал старик. – Об этом свидетельствует поспешность, с какой она ему открыла, и все прочее подтверждает наше предположение. Итак, убийцу сразу же впустили. Человек этот еще молод, роста немного выше среднего, изящно одетый. В тот вечер на нем был цилиндр, в руках зонтик; он курил гаванские сигары, причем с мундштуком...

– Ну извините! – воскликнул Жевроль. – Это уже слишком!

– Возможно, и слишком, – отвечал папаша Табаре, – но тем не менее правда. Если вы не отличаетесь тщательностью, ничем не могу помочь, но я-то человек добросовестный. Я ищу и нахожу. Вы говорите: «Это слишком»? Отлично! Благоволите бросить взгляд на эти влажные

куски гипса. Это слепки с каблучков убийцы; их отпечатки, очень четкие, я обнаружил у канавы, где был найден ключ. Видите эти листы бумаги? На них перерисованный мною след целиком. Снять с него слепок я не смог: он был на песке. Взгляните: высокий каблук, крутой подъем, маленькая узкая подошва – одним словом, элегантная обувь для ухоженных ног. Поискав, вы встретите на дороге такой отпечаток дважды. Кроме того, он пять раз повторяется в саду, куда никто не заходил. Это, между прочим, доказывает и то, что убийца постучал не в дверь, а в ставень, через который пробивался свет. Входя в сад, человек перепрыгнул через грядку – на это указывает более глубокий отпечаток носка. Убийца легко преодолел почти двухметровое расстояние, значит, он ловок и, следовательно, молод.

Папаша Табаре говорил негромко, но четко и решительно; взгляд его перебежал с лица на лицо, как бы следя за отражавшимся на них впечатлением.

– Вас удивила шляпа, господин Жевроль? – продолжал он. – Обратите внимание на правильный круглый след на мраморной доске секретера, которая была покрыта тонким слоем пыли. Вас поразило, что я определил рост этого человека? Потрудитесь посмотреть на верх шкафа, и вы увидите, что убийца шарил там рукой. Следовательно, он гораздо выше меня. И не говорите, что он вставал на стул: в этом случае ему было бы все видно и не пришлось бы шарить по шкафу. Вас привел в изумление зонт? Этот ком глины сохранил прекрасный отпечаток не только его острия, но и деревянного кольца, которым закреплена ткань. Может, вас озадачивает сигара? Вот окурок, подобранный мною в золе. Конец его изжеван, сохранил следы слюны? Нет. Следовательно, куривший пользовался мундштуком.

Лекок беззвучно аплодировал, даже не пытаясь скрыть восхищения. Комиссар тоже, казалось, был восхищен, лицо следователя выражало восторг. Физиономия Жевроля заметно вытянулась. Что же до бригадира, тот просто окаменел.

– А теперь, – снова заговорил папаша Табаре, – слушайте внимательно. Молодой человек вошел. Как он объяснил свой приход в такой час, я не знаю. Ясно одно: он сказал вдове Леруж, что еще не ужинал. Славная женщина обрадовалась и тут же принялась за струю. То, что мы видели, она стряпала не для себя. В шкафу я нашел остатки ее ужина – она ела рыбу, и вскрытие это подтвердит. К тому же вы видите, что на столе только один бокал и один нож. Но что это за молодой человек? Вдова, очевидно, относилась к нему с почтением. В стенном шкафу есть еще чистая скатерть. Но постелила ли она ее? Нет. Для гостя она достала самое лучшее, белоснежное столовое белье. Ему она подала этот чудесный бокал, несомненно, кем-то подаренный. И наконец, совершенно очевидно, что сама она обычно не пользовалась этим ножом с ручкой из слоновой кости.

– Все верно, – пробормотал следователь, – совершенно верно.

– Вот молодой человек уселся. Пока вдова ставила сковороду на огонь, он для начала выпил бокал вина. Затем, чтобы собраться с духом, попросил водки и выпил несколько рюмок. Минут десять молодой человек боролся с собой – столько времени нужно, чтобы поджарить ветчину и яйца; как мы видим, они успели поджариться; потом встал и подошел к вдове, которая, наклонясь вперед, сидела на корточках, и нанес ей два удара в спину. Умерла она не сразу. Она привстала и схватила убийцу за руки. А он, рванувшись, резко приподнял ее и оттолкнул туда, где она сейчас и лежит.

Положение трупа свидетельствует, что имела место короткая борьба. Иначе, получив удар в спину, сидевшая на корточках женщина упала бы навзничь. Убийца воспользовался острым и тонким предметом, это был, если не ошибаюсь, кусок клинка рапиры, с которого сняли наконечник и заточили. Вытерев оружие о юбку убитой, преступник оставил нам его отпечаток. На самом же убийце следов борьбы не осталось. Жертва вцепилась ему в руки, но так как своих серых перчаток он не снимал...

– Роман, да и только! – воскликнул Жевроль.

– Вы осмотрели ногти вдовы Леруж, господин начальник полиции? Нет. Так вот, осмотрите, а потом скажите, ошибаюсь ли я. Итак, женщина мертва. Что нужно убийце? Деньги, ценности? Нет, нет и еще раз нет! Он хочет найти и забрать бумаги, которые, насколько ему известно, хранятся у жертвы. Чтобы разыскать их, он переворачивает все вверх дном, обшаривает шкафы, вышвыривает белье, взламывает секретер, поскольку ключа у него нет, и даже вытряхивает матрас.

В конце концов он их находит. И знаете, что он делает с этими бумагами? Сжигает, но не в камине, а в маленькой печурке в первой комнате. Цель достигнута. Что же дальше? Он убегает, захватив с собою все ценное, что смог найти, чтобы, инсценировав ограбление, направить расследование по ложному пути. Завернув добычу в салфетку, которой он пользовался за обедом, и, задув свечу, убийца уходит, запирает дверь и выбрасывает ключ в канаву. Вот и все.

– Господин Табаре, – отозвался следователь, – расследование вы провели превосходно, и я уверен, что вы полностью правы.

– Ну, что я говорил! – вскричал Лекок. – Папаша Загоню-в-угол просто великолепен!

– И неподражаем! – иронически заметил Жевроль. – Только я думаю, что этот молодой человек чувствовал себя не очень-то ловко с узелком из белой салфетки – ее ведь видно изда-лека.

– Ну, узелок он далеко не унес, – ответил папаша Табаре. – Поймите, он не дурак, чтобы ехать до железнодорожной станции омнибусом. Он пошел туда пешком и короткой дорогой – по берегу. А дойдя до Сены, первым делом незаметно выбросил свою ношу – если только он не хитрее, чем я предполагаю.

– Вы уверены, папаша Загоню-в-угол? – спросил Жевроль.

– Могу держать пари. Я даже послал троих людей, чтобы они под наблюдением жандарма обшарили поблизости дно Сены. Если они найдут узелок, то получат вознаграждение.

– Из вашего кармана, неугомонный старик?

– Да, господин Жевроль, из моего.

– Да только найдут ли? – пробормотал следователь.

В этот миг вошел жандарм.

– Вот, – сказал он, протягивая мокрую салфетку, в которую были завернуты столовое серебро, деньги и золотые украшения. – Это люди нашли в Сене. Они просят обещанные сто франков.

Папаша Табаре достал из бумажника банкноту и отдал жандарму.

– Что вы теперь думаете, господин следователь? – спросил он, снисходительно и гордо взглянув на Жевроля.

– Думаю, что благодаря вашей необычайной проницательности мы близки к тому...

Закончить ему помешали: явился врач, приглашенный для вскрытия.

Покончив со своими неприятными обязанностями, он смог лишь подтвердить предположения и догадки папаша Табаре. Положение трупа врач объяснил точно так же и так же полагал, что убийству предшествовала борьба. Более того, он обнаружил на шее жертвы чуть посиневшую странгуляционную полосу – по всей вероятности, убийца схватил вдову за горло. И наконец, врач сообщил, что ела вдова Леруж примерно за три часа до смерти.

Теперь оставалось лишь собрать кое-какие вещественные доказательства, чтобы впоследствии предъявить их обвиняемому.

Папаша Табаре с необычайной тщательностью осмотрел ногти убитой и с величайшими предосторожностями извлек из-под них несколько крошечных лоскутков перчаточной кожи. Самый большой не достигал в длину и двух миллиметров, однако цвет его был хорошо различим. Сыщик отложил в сторону и лоскут юбки, о который убийца вытер оружие. Это, а также найденный в Сене сверток и обнаруженные г-ном Табаре отпечатки было все, что оставил после себя преступник.

Этого было мало, но и такая малость в глазах г-на Дабюрона приобретала величайшую ценность: она давала надежду на успех. Камень преткновения при расследовании таинственных преступлений – ошибка в установлении мотива. Если поиски принимают неверное направление, то следствие все больше и больше отдаляется от истины. Следователь был почти убежден, что теперь – благодаря папаше Табаре – уже не сойдет с пути. Настал вечер, в Ла-Жоншер следователю больше делать было нечего. Жевроль, испытывавший неукротимое желание изловить человека с серьгами, объявил, что остается в Буживале. Он пообещал обойти до ночи все кабачки и постараться откопать новых свидетелей.

После того как комиссар и прочие откланялись, г-н Дабюрон предложил папаше Табаре ехать вместе.

– Я собирался сам просить вас оказать мне эту честь, – ответил старик.

Они вышли вместе и, естественно, заговорили о занимавшем обоих преступлении.

– Узнаем мы или нет о прежней жизни этой женщины? – произнес папаша Табаре. – Это очень важно.

– Узнаем, если бакалейщица говорила правду, – отвечал следователь. – Если муж убитой плавал, а сын тоже моряк, морское министерство быстро сообщит нам недостающие сведения. Сегодня же вечером я туда напишу.

Они добрались до станции Рюэйль и сели в поезд. Им посчастливилось: в их распоряжении оказалось целое купе первого класса.

Однако папаша Табаре приумолк. Он думал, строил догадки, сопоставлял; по его лицу можно было прочесть все движения мысли. Следователь с любопытством наблюдал за ним: его занимал характер этого необыкновенного человека, которого привела на службу на Иерусалимскую улицу такая, прямо скажем, своеобразная страсть.

– Господин Табаре, – внезапно спросил он, – скажите, вы давно служите в полиции?

– Девять лет, уже девять лет, господин следователь. Я, признаюсь, несколько удивлен, что вы до сих пор ничего обо мне не слышали.

– Нет, я, конечно, знал о вас понаслышке, но не больше, – отвечал г-н Дабюрон. – Мне хотелось дать вам возможность проявить ваши способности, потому-то и пришла в голову столь удачная мысль привлечь вас к этому делу. И все же хочется знать, что толкнуло вас на этот путь.

– Тоска, господин следователь, одиночество, скука. Я, знаете ли, далеко не всегда был счастлив.

– Мне сказали, вы богаты.

Ответом был тяжкий вздох, свидетельствующий о скрытых от всего мира жестоких разочарованиях.

– Да, живу я в достатке, но так было не всегда, – отвечал он. – До сорока пяти лет жизнь моя была сплошное самоотречение, я терпел нелепые и бессмысленные лишения. Мой отец загубил мою молодость, испортил мне жизнь и сделал из меня жалкого неудачника.

Есть профессии, отрешиться от которых до конца невозможно. Вот и г-н Дабюрон всегда и во всем оставался немножко следователем.

– Как, господин Табаре! Виновник всех ваших несчастий – отец? – удивился он.

– Увы, это так. В конце концов я его простил, но в свое время проклинал. Да, некогда, вспоминая отца, я осыпал его всеми проклятиями, какие только может внушить самая жестокая ненависть. Это было, когда я узнал... Вам я могу довериться. Мне было двадцать пять, я зарабатывал в ссудной кассе две тысячи франков в год, и вдруг как-то утром ко мне явился отец и поведал, что он разорен и остался без средств. Он был в отчаянии, говорил о самоубийстве. Я любил отца. Разумеется, я стал его утешать и, несколько приукрасив свое положение, постарался убедить его, будто зарабатываю недурно и он не будет ни в чем нуждаться, а для

начала объявил, что мы будем жить вместе. Сказано – сделано, и на двадцать лет я взвалил на себя обузу, этого старого скрягу...

– Неужели вы раскаиваетесь в своем благородном поступке, господин Табаре?

– Еще бы мне не раскаиваться! Да как только у него мой хлеб в глотке не застрял!

Г-н Дабюрон не сумел скрыть удивления, и это не ускользнуло от внимания папаши Табаре.

– Погодите меня осуждать, – продолжал он. – Представьте себе: с двадцати пяти лет мне пришлось терпеть по милости родного отца невероятные лишения. У меня не было ни друзей, ни любовных приключений, одним словом, ничего. По вечерам для приработка я переписывал бумаги у нотариуса. Отказывал себе даже в табаке. Делал все, что мог, но старик без конца ныл, оплакивал былой достаток, требовал денег на то на се. Я лез из кожи вон, а он все равно был недоволен. Одному Богу известно, как я мучился! Не затем же я родился, чтобы жить и состариться в одиночестве, словно пес. Я создан для семейных радостей. Я мечтал жениться, любить свою милую жену, стать отцом и радоваться, глядя на резвящихся вокруг меня славных ребятишек. Ну да полно... Когда от таких мыслей у меня сжималось сердце и на глазах выступали слезы, я брал себя в руки. Я говорил себе: «Дружище, раз ты зарабатываешь всего три тысячи франков в год и у тебя на руках любимый старик отец, придется тебе задушить все чувства и остаться холостяком». И тут я повстречал девушку! Это случилось тридцать лет назад. Видите, я и сейчас не могу спокойно вспоминать! Она была хороша собой и бедна... Но вы, я уже был старик, когда умер мой отец, этот изверг, этот...

– Господин Табаре! – укоризненно остановил его следователь.

– Уверяю вас, господин следователь, я простил его. Однако вы должны понять мой гнев. В день его смерти я нашел у него в столе бумаги на ренту в двадцать тысяч франков!

– Так он был богат?

– Да, очень богат, но и это еще не все. Неподалеку от Орлеана у него было поместье, приносившее шесть тысяч франков годового дохода. Кроме того, ему принадлежал дом – тот, в котором я живу. Мы жили в нем вместе, и я – глупец, дурень, олух царя небесного – каждые три месяца вручал привратнику квартирную плату.

– Невероятно! – вырвалось у г-на Дабюрона.

– Не правда ли? Он попросту воровал деньги у меня из кармана. Верхом насмешки было его завещание: в нем он клялся Богом, что поступил так ради моего же блага. Он написал, что хотел приучить меня к порядку и бережливости, удерживать от безрассудных поступков. А мне было уже сорок пять, в течение двадцати лет я ругал себя за каждый бесцельно потраченный грош. Он просто воспользовался моим добросердечием, просто... Клянусь вам, это убило во мне всякие сыновние чувства.

Вполне оправданный гнев папаши Табаре был столь комичен, что следователь с огромным трудом удерживался от смеха, несмотря на всю горестную суть услышанного.

– Но хоть наследство-то принесло вам радость? – поинтересовался он.

– Да нет, господин следователь. Я получил его слишком поздно. Что за радость иметь вдоволь хлеба, когда не осталось зубов? Время жениться уже прошло. Я подал в отставку, чтобы уступить место тому, кто беднее меня. Через месяц я уже умирал от скуки, а поскольку никаких привязанностей у меня не было, я решил предаться какому-нибудь пороку, какой-нибудь страсти, увлечению. Я принялся собирать книги. Вы, должно быть, полагаете, что для этого необходимы определенные познания?

– Думаю, господин Табаре, что для этого нужны прежде всего деньги. Я знал одного знаменитого библиофила, который, похоже, умел с грехом пополам читать, но уже написать собственное имя был не в состоянии.

– Это вполне возможно. Но я умею читать и прочитывал все книги, которые приобретал. Признаюсь, собирал я только то, что имеет какое-либо отношение к полиции, – мемуары, сооб-

щения, памфлеты, трактаты, всякие рассказы, романы – и все буквально проглатывал. Понемногу я стал чувствовать, что меня притягивает та таинственная сила, которая из недр Иерусалимской улицы наблюдает и оберегает общество, проникает повсюду, приоткрывает самые плотные завесы, изучает подоплеку всевозможных заговоров, угадывает то, что желают скрыть, знает подлинную цену человеку, цену совести и копит в своих зеленых папках самые страшные и постыдные тайны.

Читая мемуары знаменитых сыщиков, захватывающие, как самые занимательные сказки, я восхищался этими людьми, наделенными острым чутьем; людьми тонкими, как шелк, упругими, как сталь, прозорливыми и коварными, всегда готовыми изобрести какой-нибудь неожиданный трюк; они преследуют преступника именем закона, пробираясь сквозь его хитросплетения, подобно индейцам Купера, идущим по следу врага в дебрях американских лесов. Мне захотелось стать винтиком этой великолепной машины, сделаться ангелом-хранителем, который помогает посрамлению злодейства и торжеству добродетели. Я попробовал и, кажется, не ошибся в выборе профессии.

– И она вам нравится?

– Я обязан ей, господин следователь, самыми радостными минутами. Сменив охоту за книгами на преследование себе подобных, я распростился со скукой. Ах, как это прекрасно! Я лишь пожимаю плечами, когда вижу, как какой-нибудь простофиля платит двадцать пять франков за право подстрелить зайца. Разве это добыча? Вот охота на человека – другое дело! Тут нужно проявить все свои способности, и это не бесславная победа. Какова дичь, таков и охотник: оба умны, сильны и хитры, оружие у них почти равное. Ох, если бы люди знали, как волнует эта игра в прятки, в которую играют преступник и полицейский, то все бы ринулись наниматься на Иерусалимскую улицу. Жаль одного: это искусство мельчает и исчезает. Настоящие преступления стали редки. Могучая порода дерзких злодеев уступила место заурядным жалким мошенникам. Несколько жуликов, которые время от времени заставляют говорить о себе, столь же глупы, сколь и трусливы. Они подписываются под совершенным преступлением и только что не оставляют свою визитную карточку. В том, чтобы их поймать, никакой заслуги нет. Убедись в самом факте преступления, а потом иди и арестовывай кого следует.

– Мне кажется, однако, – прервал, улыбувшись, г-н Дабюрон, – что наш убийца не так уж неловок.

– Он – исключение, господин следователь, и тем приятнее мне будет его разоблачить. Я приложу к этому все усилия, а если придется, рискну и своим добрым именем. Должен признаться, – прибавил старик с некоторым смущением, – что перед друзьями я не хвальнось своими подвигами. Напротив, я их старательнейшим образом скрываю. Узнай мои знакомые, что Загону-в-угол и Табаре одно и то же лицо, может случиться, что их рукопожатия станут не такими дружелюбными.

Незаметно разговор вернулся к преступлению. Собеседники условились, что назавтра папаша Табаре обоснуется в Буживале. Он взялся в течение недели опросить всех местных жителей.

Следователь со своей стороны обещал сообщать ему все, что узнает нового. И как только добьется, чтобы дело вдовы Леруж было передано ему, призовет его под свое начало.

– Для вас, господин Табаре, – сказал он напоследок, – доступ ко мне всегда открыт. Когда у вас появится нужда поговорить со мной, приходите без стеснения хоть днем, хоть ночью. Я почти нигде не бываю. Вы непременно найдете меня или дома, на улице Жакоб, или в кабинете во Дворце правосудия. Я распоряджусь, чтобы вас пропускали ко мне беспрепятственно.

Поезд подъехал к перрону. Г-н Дабюрон нанял фиакр и предложил в нем место папаше Табаре, но тот отказался.

– Не стоит, – ответил он. – Как я уже имел удовольствие сообщить, я живу неподалеку отсюда, на улице Сен-Лазар.

- В таком случае до завтра! – попрощался г-н Дабюрон.
– До завтра! – ответил папаша Табаре и добавил: – Мы его отыщем.

III

Дом папаша Табаре и в самом деле располагается не далее чем в четырех минутах ходьбы от вокзала Сен-Лазар. Это красивое здание содержится в превосходном порядке и приносит, по-видимому, недурной доход, хотя плату с жильцов берут вполне умеренную.

Сам папаша Табаре живет в свое удовольствие. Он занимает большую квартиру во втором этаже с окнами на улицу; расположение комнат прекрасное, они хорошо обставлены, а главное их украшение – собрание книг. Хозяйство в доме ведет старая служанка, которой, когда в том есть нужда, помогает привратник.

О причастности хозяина к полиции никто в доме и понятия не имеет, тем паче что, судя по внешности, он начисто лишен той пусть небольшой доли сметливости, какой должен обладать любой, даже самый последний полицейский. Папаша Табаре настолько рассеян, что все принимают это за первые признаки старческого слабоумия.

Однако странности его поведения не остались незамеченными. Вечные отлучки из дому окружили его ореолом таинственности и эксцентричности. Никакой молодой гуляка не вел столь безалаберную и беспорядочную жизнь. Папаша Табаре часто не возвращался домой к обеду или ужину, ел когда попало и что попало. Он уходил из дому в любое время дня и ночи, часто ночевал неизвестно где, а то и пропадал по целым неделям. Вдобавок к нему приходили странные личности: в его дверь звонили то какой-то шут гороховый с манерами, не внушающими доверия, то суший разбойник.

Столь сомнительный образ жизни до некоторой степени поколебал уважение к папаше Табаре. В нем подозревали ужасного распутника, который проматывает состояние, таскаясь по непотребным местам. «Для человека его возраста это просто срам», – говорили о нем. Он знал о сплетнях, но только посмеивался. Правда, все это не мешало многим жильцам искать общества и расположения папаша Табаре. Его приглашали отобедать, однако он почти всегда отказывался.

Он навещал в доме лишь одну особу, и с нею его связывала такая тесная дружба, что он чаще бывал у нее, чем у себя. То была вдова г-жа Жерди, уже более пятнадцати лет занимавшая квартиру на пятом этаже. Жила она вместе с сыном по имени Ноэль, в котором души не чаяла.

Ноэлю было тридцать три года, но выглядел он старше своих лет. Он был высок и хорошо сложен, черноглаз, с черными кудрявыми волосами; черты его лица были проникнуты умом и благородством. Он слыл одаренным адвокатом и уже приобрел некоторую известность. Работал он упорно, хладнокровно, вдумчиво и, будучи страстно предан своей профессии, придерживался, быть может, несколько нарочито, весьма строгих правил.

У г-жи Жерди папаша Табаре чувствовал себя как дома. К ней он относился как к родственнице, а к Ноэлю – как к сыну. Не раз у него возникала мысль попросить руки очаровательной вдовы, невзирая на то что ей уже стукнуло пятьдесят; удерживал его не столько вполне возможный отказ, сколько страх перед последствиями. Сделав предложение и получив отказ, он испортил бы хорошие отношения, которыми так дорожил. Между тем в завещании, составленном по всем правилам и хранившемся у нотариуса, он объявил молодого адвоката единственным своим наследником с одной лишь оговоркой: ежегодно выдавать премию в две тысячи франков тому полицейскому, который сумеет «загнать в угол» самого хитроумного преступника.

Дорога до дома заняла у папаша Табаре добрых четверть часа, хотя жил он рядом с вокзалом. Расставшись со следователем, он вновь погрузился в размышления; спешившие по своим делам прохожие со всех сторон толкали его, так что, продвигаясь к дому на один шаг, он уда-

лялся от него на два. В который раз он повторял про себя переданные молочницей слова вдовы Леруж: «Если понадобится, будет и больше».

– В том-то все дело, – бормотал он. – Вдова Леруж знала тайну, которую какие-то богатые и высокопоставленные люди очень хотели бы скрыть. Она держала их в руках – вот источник ее доходов. Шантажировала их, но, видать, перегнула палку, и они ее убрали. Но что это за тайна и откуда она ее знала? Возможно, в молодости она служила в богатом доме. И там увидела, услышала или подметила что-то. Что? Очевидно, в этом замешана женщина. Быть может, вдова была соучастницей любовных приключений своей хозяйки? Почему бы и нет? В таком случае дело усложняется. Нужно отыскать не только эту женщину, но и ее любовника – ведь он-то и нанес смертельный удар. Если я не ошибаюсь, этот человек из дворян. Буржуа – тот просто нанял бы убийц. Этот же не отступил, совершил убийство сам, обойдясь, таким образом, без болтливых или глупых сообщников. Человек этот – крепкий орешек. Он дерзок и хладнокровен: убийство исполнено превосходно. Малый не оставил никаких более или менее серьезных следов. Без меня Жевроль уверовал бы в ограбление и все завел бы в тупик. На счастье, неподалеку оказался я... Нет, нет, – продолжал размышлять сыщик. – Все не так. Тут не просто любовная интрига, тут хуже. Супружеская неверность! Да нет, слишком много времени прошло...

Папаша Табаре вошел в парадную дома. Привратник, сидевший у окна своей каморки, увидел его в свете газового рожка.

– Смотри-ка, – сказал он, – хозяин вернулся.

– Сдается мне, – отозвалась его жена, – нынче вечером его прелестница не пустила его на порог: вид у него удрученный как никогда.

– Стыд и срам! – высказал суждение привратник. – Экий он растерзанный да помятый. Вот до чего довели его красотки! В один прекрасный день наденут на него смирительную рубашку и упрячут в сумасшедший дом.

– Гляди, гляди! Торчит столбом! – воскликнула жена.

Почтенный господин Табаре стоял без шляпы и, жестикулируя, бормотал:

– Нет, нить я еще пока не поймал... Уже тепло, но это не то.

Он поднялся по лестнице и позвонил, забыв, что в кармане у него ключ, подходящий ко всем дверям в доме. Отворила экономка Манетта.

– Это вы? Так поздно!

– А? Что? – встрепенулся папаша Табаре.

– Я говорю, уже половина девятого, – отвечала экономка. – Я уж думала, вы сегодня не вернетесь. Вы хоть пообедали?

– Еще нет.

– Хорошо, что я держала обед на плите, можете садиться за стол.

Папаша Табаре сел и налил себе супу, однако тут же задумался и замер с ложкой в руке, пораженный только что пришедшей мыслью.

«Ей-ей, у него не все дома, – подумала экономка. – Сидит дурак дураком. И то сказать, разве человек в своем уме станет вести такую жизнь?»

Она коснулась его плеча и крикнула, точно глухому:

– Что же вы не едите? Вы не голодны?

– Голоден, голоден, – забормотал папаша Табаре, машинально стремясь избавиться от голоса, гудевшего у него над ухом, – я хочу есть, потому что с утра мне пришлось...

Он вдруг замолк, да так и остался сидеть с открытым ртом; взор его блуждал в пространстве.

– Что пришлось?.. – переспросила Манетта.

– Разрази меня гром! – завопил старик, воздев сжатые кулаки к потолку. – Нашел, разрази меня гром!

Его жест был столь внезапным и стремительным, что экономка несколько струсила и попятилась к двери.

– Ну разумеется, – продолжал папаша Табаре. – Какие тут сомнения? У них был ребенок! Манетта поспешно приблизилась и спросила:

– Ребенок?

Тут старик вдруг заметил, что служанка все слышит.

– Ах, это вы? – сердито проговорил он. – Что вам здесь нужно? Как вы осмелились торчать здесь и подслушивать, что я говорю? Сделайте одолжение, отправляйтесь на кухню и не появляйтесь, пока не позову.

«Осерчал», – подумала Манетта и мгновенно исчезла.

Папаша Табаре снова сел к столу и принялся поспешно глотать вконец остывший суп.

– Как же я об этом не подумал? – говорил он вслух. – До чего же слаб человек! Мой ум состарился и притупился. Между тем дело ясно как день. Обстоятельства совершенно очевидны.

Он позвонил в стоявший перед ним колокольчик; вошла служанка.

– Жаркое, – потребовал он, – и оставьте меня одного. Да, – продолжал он, яростно разрезая баранью ногу. – Наверняка у них был ребенок. Дело же было так. Вдова Леруж служит у богатой высокопоставленной дамы. Муж дамы, возможно, моряк, отправляется в дальнее плавание. У дамы есть любовник, она, забеременев от него, доверяется вдове Леруж и с ее помощью тайно разрешается от бремени.

Тут папаша Табаре снова позвонил:

– Манетта! Десерт, и – вон отсюда.

Нужно признаться, что такой хозяин, как папаша Табаре, не заслуживал столь искусной кухарки. Он затруднился бы сказать, что ему подавали на обед или хотя бы что он ест сию минуту, а между тем это был грушевый компот.

– Но ребенок! – продолжал он вполголоса. – Что стало с ребенком? Быть может, его убили? Нет, если бы вдова Леруж принимала участие в детоубийстве, она не представляла бы опасности. Любовник пожелал, чтобы ребенок жил, и его поручили заботам вдовы, которая его воспитала. Возможно, потом ребенка у нее отобрали, однако остались доказательства его рождения и существования. Тут я попал в цель. Отец – это мужчина в карете, а мать – та женщина, что приезжала к вдове с красивым молодым человеком. Не сомневаюсь, что ловкая вдовушка ни в чем не испытывала недостатка. Есть тайны, которые стоят фермы в Бри. Она шантажировала двух человек. Понятно, что если она позволяла себе такую роскошь, как любовник, то расходы ее с каждым годом росли. Слаб человек! Сердцу не прикажешь! Но шантажистка перестаралась, и все пошло прахом. Она стала угрожать, родители ребенка испугались и решили, что с нею пора покончить. Но кто взялся исполнить это? Отец? Нет, он слишком стар. Черт побери, конечно, сын! Хотел спасти мать, милый мальчик. И вот вдова – хладный труп, а доказательства преданы огню.

Манетта же прикинула ухом к замочной скважине и слушала, затаив дыхание. Время от времени до нее доносились отдельные слова, восклицания, удары кулака по столу – и все.

«Понятное дело, – думала она, – ему все женщины покоя не дают. Пытаются убедить его, что он стал отцом».

Снедаемая любопытством, она не выдержала и рискнула приотворить дверь.

– Вы просили кофе, сударь, – робко произнесла она.

– Не просил, но принесите, – ответил папаша Табаре. Он попытался выпить кофе одним глотком, но обжегся, и боль мгновенно вернула его к действительности.

– Горячо, черт возьми! – проворчал он. – Проклятое дельце совсем вывело меня из равновесия. Верно, я принимаю все слишком близко к сердцу. Но кто, кроме меня, может, пользуясь только логикой, восстановить все, что произошло? Уж, конечно, не бедняга Жевроль!

То-то он будет посрамлен, то-то будет злиться! А не навестить ли мне господина Дабюрона? Нет, рано еще. Нынче ночью я должен обдумать некоторые обстоятельства, привести мысли в порядок. С другой стороны, ежели я останусь здесь в одиночестве, вся эта история приведет мою кровь в движение, а после столь плотной еды это грозит несварением желудка. Пойду-ка проведаю госпожу Жерди – эти дни ей нездоровилось, поболтаю с Ноэлем и немного развеюсь.

Папаша Табаре встал, надел сюртук, взял шляпу и трость.

– Вы уходите? – спросила Манетта.

– Да.

– Вернетесь поздно?

– Возможно.

– Но все же вернетесь?

– Понятия не имею.

Минуту спустя папаша Табаре звонил к своим друзьям.

Квартира г-жи Жерди была во всем под стать хозяйке. Г-жа Жерди располагала средствами, а труды Ноэля, у которого уже появилось немало клиентов, должны были в скором времени превратить эти средства в целое состояние.

Жила г-жа Жерди крайне уединенно, и, если не считать друзей, которых иногда приглашал к обеду Ноэль, в доме у нее бывало совсем немного посетителей. Папаша Табаре, который запросто заглядывал к ней уже лет пятнадцать, встречал там лишь приходского священника, старого учителя Ноэля да брата г-жи Жерди, отставного полковника.

Когда все эти гости собирались вместе, что случалось нечасто, составлялась партия в бостон. В другие дни играли в пикет или империал. Ноэль в гостиной не сидел. После обеда он уходил в кабинет – его кабинет и спальня имели отдельный вход – и погружался в дела. За работой он засиживался очень поздно. Зимой лампа у него иногда не гасла до рассвета.

Мать и сын жили лишь друг для друга. Все их знакомые охотно это повторяли. Ноэля любили и почитали за ту заботу, какую он окружал мать, за беспредельную сыновнюю преданность, за жертвы, на которые, по мнению многих, он шел, живя в свои годы, словно старик. Обитатели дома с удовольствием противопоставляли поведение столь серьезного молодого человека поведению папаши Табаре, этого неисправимого старого шута, этого мышиноного жеребчика.

Что до г-жи Жерди, она за сыном света белого не видела. Со временем ее любовь к нему превратилась в обожание. Она считала Ноэля воплощением физических и духовных совершенств. Он казался ей каким-то высшим существом. Стоило ему заговорить, она умолкала и слушала. Любое его слово было для нее приказом. Любое его мнение она воспринимала как веление промысла Божьего. Заботиться о сыне, изучать его вкусы, угадывать его желания, окружать его нежной теплотой – в этом заключался смысл ее существования. Она была прежде всего мать.

– Госпожа Жерди принимает? – осведомился папаша Табаре у служанки, открывшей ему дверь, и, не дожидаясь ответа, вошел, как к себе, уверенный, что его появление будет не в тягость, а в радость.

В гостиной горела лишь одна свеча и заметен был беспорядок. Маленький столик с мраморной столешницей, стоявший всегда посередине комнаты, был сдвинут в угол. Большое кресло г-жи Жерди стояло у окна. На полу валялась развернутая газета. Добровольный сыщик одним взглядом охватил всю эту картину.

– Что-то случилось? – спросил он у служанки.

– И не говорите, господин Табаре; ну и страху мы натерпелись, ну и натерпелись...

– В чем дело? Говори же!

– Вы знаете, что уже месяц хозяйка сильно хворает. Она почти не ест. Сегодня утром она мне говорила...

– Ладно, ладно, что произошло вечером?

– После обеда хозяйка, как обычно, отправилась в гостиную. Села в кресло и взяла одну из газет господина Ноэля. Только начала читать и вдруг закричала, страшно закричала. Мы прибежали: хозяйка лежит на полу, словно мертвая. Господин Ноэль взял ее на руки и отнес в спальню. Я хотела сходить за врачом, но он мне сказал, что не надо, он, мол, знает, в чем дело.

– А как она сейчас?

– Пришла в себя. Во всяком случае, я так думаю, потому что господин Ноэль уснул меня. Я знаю только, что она сию минуту разговаривала, и даже довольно громко, так что мне было слышно. Ах, господин Табаре, как все это странно!

– Что странно?

– То, что она говорила господину Ноэлю.

– Так вы, красавица, подслушиваете под дверьми? – насмешливо спросил папаша Табаре.

– Нет, клянусь вам, но госпожа кричала криком, что, мол...

– Дочь моя! – строго проговорил папаша Табаре. – Запомните, подслушивать под дверью скверно, можете спросить у Манетты.

Смущенная служанка принялась оправдываться.

– Довольно, – прервал старик. – Возвращайтесь к своим занятиям. Беспокоить господина Ноэля не нужно, я подожду его здесь.

С этими словами папаша Табаре, довольный преподанным уроком, поднял газету и устроился в уголке у камина, поставив свечу поудобнее.

Не прошло и минуты, как он подскочил в кресле, вскрикнув от удивления и безотчетного страха. Дело в том, что в глаза ему бросилась следующая заметка:

Страшное преступление повергло в ужас деревню Ла-Жоншер. Некая вдова Леруж, пользовавшаяся всеобщим уважением и любовью, была убита в собственном доме. Своевременно предупрежденные представители правосудия прибыли на место преступления; есть все основания надеяться, что полиция нашла на след преступника, совершившего это гнусное убийство.

– Разрази меня гром! – пробормотал папаша Табаре. – Неужели госпожа Жерди...

Это было как вспышка молнии. Пожав плечами, старик снова опустился в кресло и, устыдившись, заговорил сам с собою:

– Нет, решительно, на этом деле я совсем свихнулся. Только о вдове Леруж и думаю, она мерещится мне повсюду.

Однако неосознанное любопытство заставило его пробежать газету. Кроме этих нескольких строчек, он не нашел в ней ничего, что могло бы стать причиной обморока, крика или даже малейшего волнения.

«Странное все же совпадение», – подумал неумный сыщик. Только теперь он заметил, что газета слегка надорвана и смята, словно ее судорожно сжала чья-то рука.

– Странно! – повторил он.

В этот миг дверь, ведущая из спальни г-жи Жерди в гостиную, открылась, и на пороге появился Ноэль. Внезапная болезнь матери, бесспорно, сильно отразилась на нем: он был чрезвычайно бледен; его обычно бесстрастное лицо выдавало большое волнение. При виде папаши Табаре он, казалось, удивился.

– Ах, дорогой Ноэль, – воскликнул старик, – развеите мое беспокойство и скажите, как чувствует себя ваша матушка?

– Госпожа Жерди чувствует себя неплохо, насколько это возможно.

– Госпожа Жерди? – изумленно повторил старик, однако продолжал: – Я вижу, вы пережили жестокое потрясение.

– В самом деле, – ответил адвокат, усаживаясь, – мне был нанесен ужасный удар.

Ноэль явно прилагал большие усилия, чтобы спокойно слушать старика и отвечать на его вопросы. Папаша Табаре, находясь в сильном волнении, ничего этого не замечал.

– По крайней мере, дитя мое, – попросил он, – расскажите, как это произошло.

Молодой человек помедлил, как бы обдумывая что-то. Он не был готов к поставленному в лоб вопросу и колебался, не зная, как отвечать. Наконец он сказал:

– Госпожу Жерди страшно поразило известие в газете о том, что женщина, которую она любила, убита.

– Вот так так! – вскричал папаша Табаре.

Старик был до такой степени потрясен, что чуть было не проговорился о своей тесной связи с полицией. Еще немного, и он воскликнул бы: «Как! Ваша матушка знала вдову Леруж?» По счастью, он сдержался. Больших трудов стоило ему скрыть свое удовлетворение: он был рад, что безо всяких трудов узнает что-то о прошлом жертвы преступления в деревне Ла-Жоншер.

– Эта женщина была верной служанкой госпожи Жерди. Она была настолько предана ей душой и телом, что бросилась бы за нее в огонь и воду.

– А вы, друг мой, знали эту почтенную женщину?

– Я очень давно ее не видел, – отвечал Ноэль, в голосе которого сквозила глубокая печаль, – но знал ее, и знал хорошо. Должен признаться, я ее очень любил – она была моей кормилицей.

– Она? Эта женщина? – запинаясь, проговорил папаша Табаре.

На этот раз он пребывал в совершенном ошеломлении. Вдова Леруж – кормилица Ноэля! Ну и повезло же ему. Само провидение выбрало его своим орудием и направляло его руку. Теперь он узнает все, что ему нужно, все сведения, которые полчаса назад он отчаялся где-либо добыть. Онемев от изумления, папаша Табаре сидел перед Ноэлем. Вскоре, однако, он понял, что должен сказать хоть что-нибудь, чтобы не ставить себя в неловкое положение.

– Большое несчастье, – пролепетал он.

– Не знаю, как для госпожи Жерди, – мрачно сказал Ноэль, – но для меня это огромное горе. Удар, нанесенный этой несчастной, поразил меня в самое сердце. Ее смерть, господин Табаре, развеяла в прах все мои мечты о будущем и разрушила вполне законные надежды. Я собирался отомстить за жестокую обиду, а смерть эта выбила у меня из рук оружие и ввергла в бессильное отчаяние. Ах, как я несчастен!

– Вы? Несчастны?! – воскликнул папаша Табаре, которого глубоко тронуло горе его дорогого Ноэля. – Боже мой, отчего же?

– Я страдаю, – тихо сказал адвокат, – и притом жестоко. Не только из страха, что справедливость не восторжествует, но и оттого, что остался беззащитен перед клеветой. Теперь обо мне могут сказать, что я мошенник, честолюбивый интриган без стыда и совести.

Папаша Табаре не знал, что и думать. Он не видел ничего общего между честью Ноэля и преступлением, совершенным в деревушке Ла-Жоншер. В голове у него роились тысячи смутных и тревожных мыслей.

– Успокойтесь, дитя мое, – произнес он. – Никакая клевета не в силах вас запятнать. Смелее, черт возьми, разве у вас нет друзей? Разве я не с вами? Доверьтесь мне; расскажите, что вас печалит, и, дьявол меня раздери, если мы вдвоем...

Адвокат резко встал, воспламененный внезапным решением.

– Хорошо! – прервал он старика. – Вы узнаете все. Я и впрямь устал уже хранить эту тайну, я задыхаюсь. Роль, которую я вынужден играть, тягостна и оскорбительна. Мне нужен друг, способный утешить меня. Я нуждаюсь в советчике, который мог бы меня ободрить. Человек ведь не судья себе, а это преступление ввергло меня в бездну сомнений.

– Вы же знаете, – просто ответил папаша Табаре, – что я полностью в вашем распоряжении, вы мне как сын. Располагайте мною без стеснения.

– Так знайте же... – начал адвокат. – Но нет, не здесь. Я не хочу, чтобы нас услышали, пройдемте ко мне в кабинет.

IV

Когда Ноэль и папаша Табаре, плотно затворив за собою дверь, уселись в комнате, где работал адвокат, старик забеспокоился.

– А вдруг вашей матушке что-нибудь понадобится? – спросил он.

– Если госпожа Жерди позвонит, придет служанка, – сухо ответил молодой человек.

Это равнодушие, это холодное презрение озадачили папашу Табаре, привыкшего, что сын и мать всегда нежны и предупредительны друг к другу.

– Бога ради, Ноэль, успокойтесь, – заговорил он, – не давайте волю раздражению. Вы, как я вижу, немного повздорили с матушкой – назавтра все позабудется. Оставьте же этот ледяной тон, которым вы говорите о ней. Отчего вы с таким упорством называете ее госпожой Жерди?

– Отчего? – переспросил адвокат глухо. – Отчего? – Он встал, прошелся по кабинету и, вновь усевшись рядом со стариком, проговорил: – Оттого, господин Табаре, что она мне не мать.

Для старого сыщика эта фраза прозвучала как гром среди ясного неба. Он был потрясен.

– Что вы! – произнес папаша Табаре тоном, каким отвергают непозволительное предложение. – Что вы! Подумайте, что вы говорите, дитя мое. Возможно ли, вероятно ли это?

– Да, это невероятно, – ответил Ноэль с некоторой напыщенностью, – в это невозможно поверить, и тем не менее это так. Тридцать три года, с самого моего рождения, эта женщина играет поразительную, постыдную комедию ради блага сына – а у нее есть сын – и в ущерб мне.

– Друг мой... – начал папаша Табаре, перед которым замаячил призрак вдовы Леруж.

Но Ноэль не слушал и, казалось, утратил способность что-либо понимать. Этот молодой человек, столь хладнокровный, сдержанный и скрытный, не прятал более своего гнева. Слова, которые срывались с его губ, подгоняли его, как подгоняет добрую лошадь звон бубенчиков на ее сбруе.

– Ни один человек на свете, – продолжал он, – не ошибался столь жестоко, как я, и не был столь гнусно одурачен! Я так любил эту женщину, так изошрялся, чтобы выразить ей свою привязанность, я принес ей в жертву свою молодость. Как она, должно быть, смеялась надо мной! Ее гнусное преступление началось в тот день, когда она впервые взяла меня на руки. И все эти годы она играла свою отвратительную роль, не выходя из нее ни на минуту. Ее любовь ко мне была лицемерием, преданность – притворством, ласки – ложью! А я обожал ее! Почему я не могу взять назад всю нежность, которой отвечал на ее поцелуи? Сколько героических усилий, сколько хлопот употребила она на обман, на двоедушие! А цель ее была – побеззастенчивей предать меня, обобрать, ограбить, чтобы ее внебрачный сын получил все, что принадлежало мне: благородное имя, огромное состояние...

«Дело идет к развязке», – подумал папаша Табаре, в котором проснулся сотрудник Жевроля. Вслух же он произнес:

– Все это весьма серьезно, дорогой Ноэль, чрезвычайно серьезно. Приходится допустить, что госпоже Жерди присущи дерзость и предприимчивость, какие редко бывают свойственны женской натуре. Поэтому у меня возникает предположение, что ей кто-то советовал, помогал, кто-то ее, быть может, склонял на это. Кто ее соучастники? Ведь не могла же она действовать в одиночку! Возможно, ее муж...

– Ее муж! – прервал адвокат с горьким смешком. – Вы тоже попались на удочку со вдовством. Никакого мужа никогда не было, блаженной памяти господина Жерди не существовало в природе. Я незаконнорожденный, дорогой господин Табаре: Ноэль, сын девицы Жерди и неизвестного отца.

– Господи! – воскликнул старик. – Так, значит, поэтому четыре года назад расстроился ваш брак с мадемуазель Левернуа?

– Да, мой друг, именно поэтому. Как я страдал, что не могу жениться на девушке, которую любил! Однако тогда я не досадовал на ту, что называла себя моей матерью. Она плакала, винилась, сокрушалась, а я, простодушный, утешал ее, как мог, осушал ей слезы, оправдывал ее в ее собственных глазах. Нет, мужа у нее не было... Разве у таких женщин, как она, бывают мужья? Она была любовницей моего отца; пресытившись, он ее бросил, швырнув триста тысяч франков – плату за доставленные ему удовольствия.

Ноэль, наверное, еще долго продолжал бы свои неистовые обличения, не останови его папаша Табаре. Старик чувствовал: история эта точь-в-точь похожа на ту, что он сам недавно вообразил, и, весь во власти суетного нетерпения, жаждал узнать, правильно ли он угадал, а между тем прежде всего надо было подумать о несчастном Ноэле.

– Дитя мое, – сказал он, – не будем отдаляться от предмета нашего разговора. Вы спрашивали у меня, что делать. Быть может, я единственный, кто способен дать вам действительно добрый совет. Ближе к делу. Как вы узнали об этом? Есть ли у вас доказательства и где они?

Решительный тон старика должен был бы насторожить Ноэля, но тот не обратил на это никакого внимания. Времени остановиться и поразмыслить у него не было. Он поспешил ответить:

– Я знаю об этом уже три недели. Открытие это я сделал случайно. У меня есть серьезные косвенные улики, но косвенные улики ничего не решают. Одно слово вдовы Леруж, одно только ее слово сделало бы их неопровержимыми. Ее убили, и она не сможет повторить это слово, но мне она его сказала. Я знаю, теперь госпожа Жерди будет все отрицать, даже стоя на эшафоте. Отец, разумеется, будет свидетельствовать против меня... Я уверен в своей правоте, у меня есть доказательства, однако это преступление обесценивает мою уверенность и разбивает в прах все мои доказательства.

– Расскажите-ка мне лучше все по порядку, – после минутного раздумья произнес папаша Табаре, – понимаете, все. Старики могут дать порой хороший совет. Посмотрим.

– Три недели назад, – начал Ноэль, – мне понадобились кое-какие старые документы, и я открыл секретер госпожи Жерди. Задев нечаянно полку, я рассыпал бумаги, среди которых оказалась связка писем. Не знаю, что побудило меня развязать ее, но, снедаемый неборимым любопытством, я прочел первое попавшееся письмо.

– И напрасно, – неодобрительно отозвался папаша Табаре.

– Согласен, но как бы то ни было, я его прочел. Первых десяти строчек оказалось достаточно, чтобы я понял: это письма моего отца, имя которого госпожа Жерди, несмотря на все мои увещания, скрывала от меня. Вы должны понять, что я почувствовал. Я забрал связку, заперся в кабинете и прочел всю переписку от начала до конца.

– И вы жестоко наказаны за это, мое бедное дитя!

– Это верно, но кто бы смог устоять? Письма эти разбили мне сердце, но в них я нашел доказательства того, о чем только что рассказал вам.

– Вы, я надеюсь, их сохранили?

– Они здесь, господин Табаре, – ответил Ноэль. – Чтобы дать мне совет, вы должны знать суть дела, поэтому я прочту их вам.

Адвокат выдвинул ящик письменного стола, нажал в глубине скрытую пружину и достал связку писем из потайного отделения, устроенного в столешнице.

– Разумеется, – продолжал он, – я не стану знакомить вас с несущественными подробностями, хотя и они кое-что добавляют к общей картине. Я прочту лишь самое важное, непосредственно относящееся к делу.

Сгорая от нетерпения, папаша Табаре устроился в кресле поудобнее. Глаза и все его лицо выражали напряженное внимание. Адвокат довольно долго перебирал письма и, выбрав наконец одно, начал читать; хотя он старался хранить спокойствие, голос его временами дрожал.

– «Любимая моя Валери!» Валери, – пояснил он, – это госпожа Жерди.

– Знаю, знаю, не останавливайтесь.

Ноэль продолжал:

«Любимая моя Валери! Сегодня счастливый день. Утром я получил твое письмо, моя милая; я покрыл его поцелуями, перечел сто раз, и теперь оно заняло свое место там же, где и другие, – у меня в сердце. Я чуть не умер от радости, друг мой. Значит, ты все же не ошиблась, значит, это правда! Наконец милостивое небо увенчало нашу страсть. У нас будет сын.

У меня будет сын от моей обожаемой Валери, ее живой образ! Ах, почему нас разделяет столь огромное расстояние? Отчего у меня нет крыльев? Я прилетел бы к тебе, упал бы в твои объятия, опьяненный сладостным влечением! Никогда еще я не проклинал так злополучный союз, навязанный мне жестокими родителями, которых не смогли тронуть мои слезы. Я не в силах сдержать свою ненависть к этой женщине, что вопреки моей воле носит мое имя, к этой невинной жертве наших бесчеловечных родителей. И в довершение моих мук она тоже собирается сделать меня отцом. Как описать ту боль, что я испытываю, ожидая появления на свет этих детей.

У одного из них, сына той, к которой я отношусь столь нежно, не будет ни отца, ни даже отцовской фамилии, поскольку закон, беспощадный к чувствительным душам, не позволяет мне признать его. В то же время другой, рожденный ненавистной мне супругой, будет единственно благодаря своему рождению богат, знатен, окружен любовью и уважением и займет высокое положение в свете. Мне невыносима мысль о столь ужасающей несправедливости. Но что сделать, чтобы исправить ее? Не знаю, но уверен, что я ее исправлю. Желанная, дорогая, любимая, тебе должна достаться лучшая доля; так будет, потому что я этого хочу».

– Когда написано это письмо? – поинтересовался папаша Табаре, хотя содержание письма давало об этом некоторое представление.

– Взгляните, – отвечал Ноэль и протянул старику листок.

Тот прочел: «Венеция, декабрь 1828 года».

– Вы, конечно, понимаете, – продолжал адвокат, – всю важность этого первого письма. В нем кратко изложены все обстоятельства. Отец, которого принудили вступить в брак, обожает свою любовницу и питает отвращение к жене. Примерно в одно и то же время обе женщины оказываются беременны, и чувства отца к детям, которые должны родиться, вполне ясны. В конце письма у него возникает замысел, который позже вопреки всем законам Божеским и человеческим он не побоится осуществить.

Адвокат заговорил красноречиво, словно в суде, но папаша Табаре поспешил его прервать.

– Нет смысла в это углубляться, – сказал он. – Из того, что вы прочитали, все достаточно ясно. Я не дока в подобных материях и слушал, как если бы был простым присяжным; тем не менее мне все совершенно понятно.

– Несколько писем я пропущу, – отозвался Ноэль, – и перейду к датированному двадцать третьим января тысяча восемьсот двадцать девятого года. Письмо очень длинное и в большей части не имеет отношения к тому, чем мы занимаемся. Однако я нашел два отрывка, которые характеризуют медленную и непрерывную работу мысли моего отца.

«Рок, более могущественный, нежели мое желание, удерживает меня здесь, но я с тобой, любимая Валери. Вновь и вновь мысль моя возвращается к обожаемому сыну, свидетельству нашей любви, который трепещет у тебя под сердцем. Пекись, друг мой, пекись о своем здоровье – оно теперь драгоценно вдвойне. Тебя умоляет об этом твой возлюбленный, отец твоего ребенка. Последняя страница твоего ответного письма пронизала болью мое сердце. Как ты ко

мне несправедлива, когда беспокоишься о судьбе нашего ребенка! Боже всемогущий! Ты же меня любишь, знаешь и все равно беспокоишься!»

Я пропущу две страницы любовных признаний, – сообщил Ноэль, – и прочту несколько последних строк.

«Беременность графини становится все невыносимее для меня. Несчастливая! Я ненавижу ее и вместе с тем жалею. Мне кажется, она догадывается о причинах моей печали и холодности. Своею робкой покорностью, неизменной нежностью она словно просит прощения за наш союз. Бедная жертва! Быть может, и она до венца отдала свое сердце другому. В таком случае наши судьбы схожи. Надеюсь, ты с твоим добрым сердцем простишь мне эту жалость».

– Это он о моей матери, – дрожащим голосом произнес адвокат. – Святая! А он еще просит прощения за жалость, которую она вызывала. Бедняжка! – Ноэль провел ладонью по глазам, как бы смахивая слезы, и добавил: – Ее уже нет в живых.

Несмотря на сжигавшее его нетерпение, папаша Табаре не посмел произнести ни слова. К тому же он искренне сочувствовал глубокому горю своего молодого друга и уважал это горе. После долгого молчания Ноэль поднял голову и снова взялся за письмо.

– Из следующих писем явствует, – сказал он, – что отец был озабочен судьбой своего незаконнорожденного сына. Читать их я, однако, не стану. Но вот что поразило меня в письме, посланном из Рима 5 марта 1829 года:

«Мой сын, наш сын! Вот моя единственная и неотступная забота. Как обеспечить ему то будущее, о каком я мечтаю? В прежние времена у знати таких забот не было. Я пошел бы к королю, и одно его слово обеспечило бы ребенку положение в обществе. Сегодня же король, с трудом управляющий мятежными подданными, не может ничего. Дворянство утратило все права, и к благороднейшим людям относятся как к последним мужикам».

А вот, немного ниже:

«Мне радостно представлять себе, каким вырастет наш сын. От матери он унаследует душу, ум, красоту, очарование, всю ее прелесть. От отца – гордость, мужество, все признаки высокого рода. Каким будет другой? Я содрогаюсь, думая об этом. Ненависть может порождать лишь чудовищ. Силой и красотой Господь наделяет только детей, зачатых среди восторгов любви».

– Чудовище – это я! – воскликнул адвокат со скрытым гневом. – А другой... Но хватит об этом, все это лишь предшествовало ужасному деянию. Я только хотел показать вам, какие уродливые формы приобрела страсть отца. Мы уже близки к цели.

Папашу Табаре изумляла пылкость любви, пепел которой ворошил Ноэль. Быть может, он принял эту историю так близко к сердцу потому, что вспомнил свою молодость. Он понимал, насколько неодолима может быть такая страсть, и содрогался, угадывая, что последует дальше.

– А вот, – заговорил Ноэль, держа в руке листок бумаги, – уже кое-что другое: не новое бесконечное послание вроде тех, отрывки из которых я вам читал, а короткое письмецо. Отправлено оно в начале мая, на нем штемпель Венеции. Оно лаконично и тем не менее решительно:

«Дорогая Валери!

Сообщи мне, по возможности поточнее, когда могут произойти роды. Жду твоего ответа с нетерпением, которое, полагаю, тебе понятно, если ты догадалась, какие планы я строю относительно нашего ребенка».

Не знаю, – сказал Ноэль, – поняла ли госпожа Жерди. Во всяком случае, ответила она без промедления: вот что писал отец четырнадцатого числа:

«Твой ответ, моя дорогая, таков, что о лучшем и мечтать нельзя. Теперь я вижу, что задуманный мною план вполне осуществим. Я понемногу начинаю обретать спокойствие и уверенность. Наш сын будет носить мое имя, и мне не придется с ним разлучаться. Он будет воспитываться подле меня, в моем доме, у меня на глазах, я буду сажать его на колени, брать на

руки. Достанет ли у меня сил вынести столь безграничное счастье? Душа моя приучена к горю, привыкнет ли она к радости? О моя обожаемая, о мое драгоценное дитя, не бойтесь ничего, в сердце у меня хватит места для вас обоих! Завтра я отправляюсь в Неаполь, откуда напишу тебе более подробно. Что бы ни случилось, даже если мне придется пожертвовать доверенными мне важными делами, к торжественному часу я поспею в Париж. Присутствие мое удвоит твое мужество, сила моей любви уменьшит твои страдания...»

– Прошу извинить, что прерываю вас, Ноэль, – заговорил папаша Табаре, – но скажите, какие серьезные причины удерживали вашего отца за границей?

– Мой отец, – ответил адвокат, – несмотря на свой возраст, был другом и доверенным лицом Карла Десятого, который поручил ему секретную миссию в Италии. Мой отец – граф Рето де Коммарен.

– Черт возьми! – воскликнул старик и, словно для того, чтобы лучше запомнить, несколько раз повторил: – Рето де Коммарен.

Ноэль замолчал. Он, казалось, обуздал свою ярость и впал в уныние, словно человек, который принял решение примириться с судьбой и не отражать нанесенный ею удар.

– В середине мая, – продолжал он, – мой отец находился в Неаполе. Именно там этот осмотрительный, благоразумный человек, достойный дипломат, дворянин осмеливается, поддавшись безрассудной страсти, доверить бумаге свой чудовищный план. Слушайте хорошенько:

«Моя любимая!

Это письмо передаст тебе Жермен, мой старый камердинер. Я посылаю его в Нормандию с весьма щекотливым поручением. Он из тех слуг, которым можно безоглядно доверять.

Пришло время открыть тебе планы, касающиеся моего сына. Самое позднее через три недели я буду в Париже. Если я не обманываюсь в своих предположениях, вы с графиней разрешитесь от бремени в одно и то же время. Несколько дней разницы никоим образом не повлияют на мои замыслы.

Вот что я решил. Оба моих ребенка будут предоставлены попечениям кормилиц из N., где находятся почти все мои имения. Одна из этих женщин, за которую Жермен ручается и к которой я его посылаю, будет посвящена в наши планы. Ей мы и поручим заботы о нашем сыне. Обе женщины покинут Париж в один день, при этом Жермен поедет с той, что будет опекать сына графини.

Заранее подстроенное происшествие заставит обеих женщин заночевать в пути. Жермен устроит так, что спать им придется на одном постоялом дворе и даже в одной комнате.

Ночью наша кормилица подменит детей в колыбели.

Я предусмотрел все меры предосторожности, чтобы наша тайна не обнаружилась. Проезжая через Париж, Жермен должен заказать совершенно одинаковые пеленки для обоих новорожденных. Помогите ему советом.

Твое материнское сердце, милая Валери, быть может, обливается кровью при мысли о том, что ты будешь лишена невинных ласк своего ребенка. Пускай же тебя утешит мысль о судьбе, которая ему уготована благодаря твоей жертве. Никакая, даже самая пылкая материнская нежность не заменит ему грядущих благ. Что же до другого ребенка, я знаю твою добрую душу, ты полюбишь его. Разве не будет это еще одним доказательством твоей любви ко мне? К тому же участь его вовсе не так плачевна. Он ни о чем не будет знать, и поэтому ему не о чем будет жалеть; он получит все, что сможет дать ему его состояние.

Не говори, что замысел мой преступен. Нет, любимая моя, нет. Ведь для того, чтобы наш план удался, нужно столь невероятное стечение обстоятельств, столько совпадений, независимых от нашей воли, что без явного покровительства провидения нас постигнет неудача. Если же наше предприятие увенчается успехом, значит, само небо на нашей стороне. Уповаю на это».

– Этого я и ожидал, – пробормотал папаша Табаре.

– И этот негодяй еще взывает к провидению! – вскричал Ноэль. – Ему нужно заполучить в соучастники самого Господа Бога!

– А как ваша матушка, то есть, извините, госпожа Жерди, отнеслась к этому предложению? – спросил старик.

– Кажется, сначала отказалась: вот здесь граф на двадцати страницах убеждает ее, уговаривает решиться. О, эта женщина!

– Послушайте, дитя мое, – мягко проговорил папаша Табаре, – не будем чрезмерно пристрастны к ней. По-моему, вы обвиняете ее одну, гневаетесь на нее одну. А ведь, по совести, граф заслуживает вашего гнева гораздо больше.

– Да, – безжалостно прервал его Ноэль, – да, граф виноват, очень виноват. Он выдумал всю эту позорную интригу, и все же я не питаю к нему ненависти. Он совершил преступление, но его можно извинить: им двигала страсть. К тому же мой отец не лгал мне, как эта женщина, каждую минуту на протяжении тридцати лет. И наконец, господин де Коммарен был столь жестоко наказан, что сейчас я могу лишь простить его и пожалеть.

– Так, значит, он был наказан? – заинтересовался старик.

– Да, ужасно, вы об этом еще узнаете; однако позвольте мне продолжать. К концу мая, даже скорее к началу июня, граф, судя по тому, что переписка прекратилась, прибыл в Париж. Он повидался с госпожой Жерди, и они уточнили последние подробности заговора. Вот записка, которая устраняет всяческие сомнения по этому поводу. В тот день граф дежурил в Тюильри и не мог оставить свой пост. Он писал в кабинете короля, на его бумаге. Взгляните на герб.

Все готово: женщина, согласившаяся привести в исполнение план отца, уже в Париже. Отец уведомляет свою любовницу:

«Дорогая Валери!

Жермен сообщил, что кормилица твоего сына, нашего сына, приехала. Днем она придет к тебе. На нее можно положиться; прекрасное вознаграждение порукой ее молчанию. Тем не менее не говори ей ни о чем. Ей дали понять, что ты ничего не знаешь. Я хочу, чтобы вся ответственность лежала на мне – так будет благоразумнее. Женщина эта из N. Она родилась в нашем поместье и даже, можно сказать, у нас в доме. Муж ее – храбрый, честный моряк; ее зовут Клодина Леруж. Смелее, любовь моя! Я прошу у тебя самой большой жертвы, какую только возлюбленный может просить у матери своего ребенка. Не сомневайся, небо покровительствует нам. С этой минуты все зависит от нашей ловкости и осмотрительности, а значит, мы добьемся успеха».

По крайней мере один вопрос для папаша Табаре прояснился. Заполучить сведения о прошлом вдовы Леруж не представляло теперь никакого труда. Он не смог сдержать возгласа удовлетворения, который, однако, Ноэль пропустил мимо ушей.

– Эта записка, – сообщил адвокат, – последнее письмо графа.

– Как? – удивился старик. – У вас ничего больше нет?

– Есть еще десяток строк, написанных много лет спустя. Они, конечно, тоже имеют некоторое значение, но это, пожалуй, чисто косвенная улика.

– Какая жалость! – пробормотал папаша Табаре.

Ноэль положил на стол письма, которые держал в руках, и, повернувшись к своему старому другу, пристально взглянул на него.

– Предположим, – медленно проговорил адвокат, делая ударение на каждом слове, – предположим, это все, что мне известно. Представьте на секунду, что я знаю столько же, сколько и вы. Что вы можете сказать обо всем этом?

Папаша Табаре несколько минут молчал, прикидывая в уме, какие выводы можно сделать из писем г-на Коммарена.

– По-моему – так подсказывают мне сердце и совесть, – вы не сын госпожи Жерди, – ответил он наконец.

– И вы правы, – с нажимом произнес адвокат. – Вы, разумеется, полагаете, что я отыскал Клодину. Эта бедная женщина, вскормившая меня своим молоком, любила меня и мучилась от ужасной несправедливости, жертвой которой я стал. Нужно ли говорить о том, как она страдала от мысли, что участвовала в этом преступлении; к старости угрызения совести сделались особенно тяжелы. Я повидался с нею и расспросил ее, она во всем призналась. Простой и безупречный план графа легко осуществился. Все совершилось через три дня после моего рождения: меня, несчастного, бедного ребенка, предал, ограбил, лишил всего тот, кто должен был быть моим защитником, – мой отец. Несчастливая Клодина! Она обещала, что будет свидетельствовать в мою пользу, когда я решу восстановить себя в правах.

– Но она умерла и унесла тайну с собой, – с сожалением в голосе тихо проговорил старик.

– И все же у меня есть еще надежда, – ответил Ноэль. – У Клодины было несколько писем, которые писали ей и граф, и госпожа Жерди, писем неосторожных и недвусмысленных. Они будут найдены и, без сомнения, сыграют решающую роль. Эти письма я держал в руках, я их читал; Клодина непременно хотела, чтобы я их забрал, но я, увы, ее не послушал.

Нет, и тут надеяться было не на что: папаша Табаре знал это лучше, чем кто бы то ни было.

Именно за этими письмами убийца и явился в Ла-Жоншер. Он нашел их и сжег вместе с другими бумагами в маленькой печке. Старый сыщик-любитель начинал понемногу все понимать.

– Зная о состоянии ваших дел, которые мне знакомы, как мои собственные, я полагаю, что граф не вполне сдержал свои щедрые обещания обеспечить ваше будущее, о которых упоминал в письме к госпоже Жерди.

– Совсем не сдержал, мой друг.

– Но это же еще бесчестнее всего остального! – с негодованием вскричал старик.

– Не обвиняйте моего отца, – мрачно промолвил Ноэль. – Его связь с госпожой Жерди длилась еще долго. Я помню, что в коллеже меня иногда навещал надменный господин – это явно был граф. Но потом наступил разрыв.

– Естественно, – с насмешкой сказал папаша Табаре, – аристократ...

– Не спешите с выводами, – прервал адвокат, – у господина де Коммарена были свои причины. Он узнал, что любовница ему изменяет, и в справедливом негодовании порвал с нею. В десяти строках, о которых я упоминал, как раз об этом и говорится.

Ноэль довольно долго рылся в разбросанных по столу бумагах и наконец нашел листок, более других выцветший и измятый. По тому, как он был обтрепан на сгибах, можно было догадаться, что его перечитывали не один раз. Некоторые буквы стерлись.

– Взгляните, – сказал адвокат с горечью. – Госпожа Жерди уже не обожаемая Валери.

«Друг, жестокий, как все истинные друзья, раскрыл мне глаза. Я не поверил. За Вами стали следить, и теперь у меня, увы, нет сомнений. Вы, которой я отдал больше, чем жизнь, изменили мне, причем уже не в первый раз. Увы! Теперь у меня даже нет уверенности в том, что я отец Вашего ребенка!»

– Но ведь эта записка – доказательство! – воскликнул папаша Табаре. – Неопровержимое доказательство! Для графа не так уж важно было бы, отец он или нет, если бы он не принес в жертву внебрачному сыну своего законного наследника. Да, вы правы, его постигла суровая кара.

– Госпожа Жерди, – продолжил рассказ Ноэль, – пробовала оправдаться. Она писала графу, но он возвращал ей письма нераспечатанными. Пыталась увидаться с ним, но ей это не удалось. В конце концов она прекратила бесплодные попытки. Поняла она, что все кончено,

когда управляющий графа принес ей бумаги на ренту в пятнадцать тысяч франков на мое имя. Ее сын занял мое место, а его мать меня разорила...

Негромкий стук прервал рассказ Ноэля.

– Кто там? – не вставая, спросил он.

– Сударь, – послышался за дверью голос служанки, – хозяйка хочет поговорить с вами.

Адвокат, казалось, замаялся.

– Ступайте, дитя мое, – посоветовал папаша Табаре, – не будьте безжалостны, не уподобляйтесь святошам.

С видимой неохотой Ноэль встал и направился к г-же Жерди.

«Бедный мальчик, – подумал папаша Табаре, оставшись один. – Какое ужасное открытие! Как он, должно быть, страдает! При его-то благородстве и чистом сердце узнать такое! Он так честен и порядочен, что даже не заподозрил, откуда пришла постигшая его беда. По счастью, мне не занимать прозорливости, и в тот самый миг, когда он отчаялся, я прихожу к уверенности, что сумею восстановить справедливость. Благодаря ему я на верном пути. Теперь и ребенку стало бы ясно, чья рука нанесла удар. Но как это произошло? Ноэль и сам не заметит, как все мне расскажет. Ах, если бы мне удалось получить эти письма хотя бы на день! Но тогда придется объяснить ему – зачем. Короче, попросив его об этом, я выдам, что связан с полицией. Лучше просто взять украдкой какое-нибудь письмо, чтобы сравнить почерк».

Едва письмо исчезло в кармане папаши Табаре, вошел адвокат.

Сильный характер помогал молодому человеку мужественно сносить удары судьбы. Постоянная скрытность, эта броня всех честолюбцев, закалила его дух.

Вот и сейчас невозможно было догадаться, что произошло между ним и г-жой Жерди. Ноэль был невозмутим и совершенно спокоен, словно находился у себя в приемной, где выслушивал бесконечные излияния клиентов.

– Ну, как она? – поинтересовался папаша Табаре.

– Ей хуже, – отвечал Ноэль. – Бредит и несет бог знает что. Она осыпала меня градом всевозможных оскорблений, обращалась со мной как с последним негодяем. Порой кажется, что она сошла с ума.

– Это случается и по менее серьезным причинам, – заметил папаша Табаре. – Думаю, следует вызвать врача.

– Я уже послал за ним.

Адвокат сидел за столом и собирал разбросанные письма, складывая их по датам. Казалось, он и думать забыл о том, что обратился к старому другу за советом, и не выказывал ни малейшего расположения продолжить начатый разговор. Видимо, он полагал, что папаши Табаре это не касается.

– Чем больше я размышляю над вашей историей, дорогой мой Ноэль, – начал старик, – тем больше она меня поражает. Сказать по правде, я не знаю, какое бы принял решение и как бы поступил на вашем месте.

– Да, друг мой, – печально промолвил адвокат, – тут станет в тупик и более опытный человек, чем вы.

Старый сыщик с трудом сдержал лукавую улыбку.

– Смирненно признаю вашу правоту, – ответил он, не без удовольствия прикидываясь простачком. – А вы-то как поступили? Первым делом, надо полагать, попросили объяснений у госпожи Жерди?

Ноэль вздрогнул, но папаша Табаре, занятый тем, чтобы направить разговор в нужное русло, не заметил этого.

– Да, я с этого и начал, – ответил адвокат.

– И что она вам сказала?

– Что она могла сказать? Ее же уличали факты.

– Как? Она не пыталась оправдаться?

– Почему? Пыталась, но безуспешно. Пробовала объяснить эту переписку тем, что... Да мало ли что она говорила? Все это было лживо, нелепо, гнусно.

Адвокат закончил собирать письма, так и не заметив пропажи. Аккуратно перевязав, он спрятал их в потайной ящик.

– Да, она пыталась меня одурачить. – Ноэль вскочил и быстро заходил взад и вперед по кабинету, словно движение могло умерить его гнев. – Как будто это возможно при тех доказательствах, которыми я располагаю! Но она обожает своего сына. При мысли, что его заставят вернуть то, что он у меня похитил, у нее сердце разрывается. А я-то – глупец, болван, трус – вначале даже не хотел ни о чем ей говорить. Еще убеждал себя: «Нужно ее простить, она же меня любит, в конце концов». Любит – как же! Она бы не пролила и слезинки, глядя, как меня пытаются, – лишь бы ни один волос не упал с головы ее сыночка.

– Возможно, она сообщила графу, – перебил папаша Табаре, который продолжал гнуть свою линию.

– Не исключено. Но если даже и так, пользы от этого не будет: графа нет в Париже уже больше месяца, и приедет он не раньше чем к концу недели.

– Откуда вы знаете?

– Я хотел встретиться со своим отцом, объясниться...

– Вы?

– Да, я. Вы что же, считаете, что я не буду протестовать? Полагаете, что я, которого обокрали до нитки, ограбили, предали, буду помалкивать? Что может меня удержать, кого мне шадить? Своих прав я добьюсь. Что вы находите в этом странного?

– Решительно ничего, друг мой. Так, значит, вы были у господина де Коммарена?

– О, я не сразу решился на это, – продолжал Ноэль. – Поначалу из-за этого открытия я чуть было не потерял голову. Мне нужно было все обдумать. Меня раздирали тысячи противоположных чувств. Я и хотел, и не хотел, гнев ослеплял меня, мне не хватало смелости, я колебался, я не мог решиться, я был во власти сомнений. Меня ужасала огласка, которую неизбежно вызовет это дело. Я страстно желал, да и сейчас желаю, вернуть свое имя, тут все ясно. Но я не хотел чернить его, еще не успев даже получить. Размышлял, как бы уладить все тихо, без скандала.

– И наконец решились?

– Да. После двух недель борьбы и терзаний, после двух ужасных недель. О, как я страдал эти дни! Я забросил все дела, перестал работать. Днем стремился утомить себя ходьбой, надеясь, что ночью засну от усталости. Напрасные усилия! С тех пор как я обнаружил эти письма, мне ни разу не удалось заснуть дольше чем на час.

Адвокат рассказывал, а папаша Табаре время от времени незаметно поглядывал на часы. «Господин следователь скоро ляжет спать», – думал он.

– Наконец однажды утром, – рассказывал Ноэль, – после нестерпимо мучительной ночи, я сказал себе: пора с этим покончить. Я был в отчаянии, подобно игроку, который после непрерывных проигрышей ставит все, что у него осталось, на одну карту. Я взял себя в руки, послал за фиакром и отправился в особняк Коммаренов.

Старый сыщик испустил вздох облегчения.

– Это один из самых великолепных особняков Сен-Жерменского предместья, роскошная обитель, подобающая высокородному вельможе-миллионеру. Сначалаходишь на широкий двор. Направо и налево размещаются конюшни с двумя десятками лошадей, каретные сараи и службы. В глубине высится дом с величественным и строгим фасадом, огромными окнами и мраморным крыльцом. За домом простирается большой сад, я бы даже сказал – парк, где растут самые, быть может, старые в Париже деревья.

Это вдохновенное описание невероятно раздражало папашу Табаре. Но что делать, как поторопить Ноэля? Неосторожное слово могло пробудить в нем подозрения, открыть, что говорит он не с другом, а с сыщиком, работающим на Иерусалимскую улицу.

– Стало быть, вас пригласили в дом? – спросил старик.

– Нет, я сам посетил его. Узнав, что я единственный наследник Рето де Коммаренов, я навел справки о своей новой семье. Я ознакомился в библиотеке с ее родословной – о, это блистательная родословная! В тот вечер я бродил в лихорадочном возбуждении вокруг жилища моих предков. Ах, мои чувства вам не понять! «Здесь, – говорил я себе, – я родился, должен был расти, мужать, здесь я должен был бы сегодня быть хозяином!» Я упивался той несказанной горечью, что сжигает изгнанников.

Я сравнивал свою печальную жизнь бедняка со счастливым уделом незаконнорожденного, и меня охватил гнев. Во мне возникло безрассудное желание взломать дверь, ворваться в гостиную и крикнуть самозванцу, сыну девицы Жерди: «Вон отсюда, ублюдок, вон! Здесь я хозяин!» Только уверенность, что я буду восстановлен в правах, удержала меня от этого. Да, теперь я знаю обиталище моих отцов! Я люблю его старинные статуи, высокие деревья, даже мостовую двора, по которой ступала нога моей матери. Люблю все, вплоть до герба над парадным входом, гордо бросающего вызов нынешним дурацким идеям о всеобщем равенстве.

Последняя фраза настолько не соответствовала взглядам адвоката, что папаша Табаре отвернулся, чтобы скрыть насмешливую улыбку. «Слаб человек! – подумал он. – Вот он уже и аристократ».

– Подъехав к дому, – продолжал Ноэль, – я увидел у дверей швейцара в роскошной ливрее. Я спросил господина графа де Коммарена. Швейцар ответил, что господин граф путешествует, а господин виконт у себя. Это нарушало мои планы, и все же я настойчиво потребовал, чтобы мне разрешили поговорить вместо отца с сыном. Швейцар не спеша осмотрел меня с ног до головы. Он только что видел, как я вылез из наемного фиакра, и оценивал, что я за человек. Его одолевали сомнения, не слишком ли я ничтожен, чтобы иметь честь предстать перед господином виконтом.

– Но вы же могли все ему объяснить.

– Прямо так, с места в карьер? О чем вы говорите, дорогой господин Табаре! – с горькой насмешкой ответил адвокат. – Похоже, экзамен этот я выдержал: моя черная пара и белый галстук сделали свое дело. Швейцар подвел меня к разряженному слуге, с которым мы пересекли двор и вошли в пышный вестибюль, где на банкетках зевало несколько лакеев. одному из них меня препоручили.

Он повел меня по роскошной лестнице, по которой проехала бы карета, по длинной, увешанной картинами галерее, через просторные тихие комнаты, где под чехлами дремала мебель, и наконец передал с рук на руки камердинеру господина Альбера. Так зовут сына госпожи Жерди, на самом же деле это мое имя.

– Понимаю, понимаю.

– Я выдержал осмотр, теперь мне предстояло подвергнуться допросу. Камердинер пожелал узнать, кто я, откуда, чем занимаюсь, что мне нужно и прочее. Я просто ответил, что виконт меня не знает, но мне нужно пять минут побеседовать с ним по неотложному делу. Он предложил мне сесть и подождать, а сам ушел. Я прождал более четверти часа, пока он не появился снова. Его хозяин милостиво согласился меня принять.

Нетрудно было догадаться, что этот прием тяжким грузом лег на сердце адвоката, который счел его за оскорбление. Он не мог простить Альберу лакеев и камердинера. Ноэль позабыл, с каким ядом некий знаменитый герцог сказал: «Я плачу своим слугам за наглость, чтобы избавить себя от дурацкой и докучной необходимости быть наглым самому». Папаша Табаре был удивлен, что столь пошлые и заурядные подробности так огорчают его молодого друга.

«Какая мелочность! – подумал он. – И это у столь одаренного человека! Быть может, верно, что именно в высокомерии слуг следует искать корни ненависти простолюдинов к любезным и учтивым аристократам».

– Меня провели, – продолжал Ноэль, – в небольшую, просто обставленную гостиную, единственное украшение которой составляло оружие всех времен и народов, развешанное по стенам. Никогда еще я не видел в таком маленьком помещении столько ружей, пистолетов, шпаг, сабель и рапир. Можно было подумать, что находишься в оружейной учителя фехтования.

Старому сыщику, естественно, тут же пришло на ум оружие, которым была убита вдова Леруж.

– Когда я вошел, – Ноэль говорил уже спокойнее, – виконт полулежал на диване. Одет он был в бархатную куртку и такие же брюки, вокруг шеи у него был повязан большой платок из белого шелка. Я отнюдь не питаю зла к этому молодому человеку; сам он не причинил мне ни малейшего вреда, о преступлении своего отца не знал, поэтому я хочу быть к нему справедливым. Он хорош собою, полон достоинства и с благородством носит имя, которое ему не принадлежит. Он моего роста, черноволос, как я, и, если бы не носил бороду, был бы похож на меня с тою лишь разницей, что выглядит на несколько лет моложе. Эту молодавость нетрудно объяснить. Ему не пришлось трудиться, бороться, страдать. Он из тех счастливых, которые имеют с рождения все и катят по жизни в экипаже, раскинувшись на подушках, не испытывая ни малейшей тряски. Завидев меня, он поднялся и вежливо поклонился.

– Вы, я полагаю, были крайне взволнованы? – спросил папаша Табаре.

– Пожалуй, меньше, чем сейчас. Две недели мучений, что ни говори, притупляют чувствительность. Я сразу начал со слов, вертевшихся у меня на языке: «Господин виконт, вы меня не знаете, да и не важно, кто я такой. Я пришел к вам с чрезвычайно печальным и серьезным делом, оно затрагивает честь вашего имени». Он, конечно, мне не поверил, так как довольно грубо осведомился: «Это надолго?» Я только кивнул.

– Прошу вас, – вмешался папаша Табаре, превратившийся весь во внимание, – не упускать никаких, даже незначительных подробностей. Вы же понимаете, насколько это важно.

– Виконт явно забеспокоился, – продолжал Ноэль. – «Беда в том, – сказал он, – что я весьма спешу. В этот час я должен быть у девушки, на которой намерен жениться, у мадемуазель д'Арланж. Не могли бы мы отложить наш разговор?»

«Хорошенькое дело! Еще одна женщина!» – подумал старик.

– Я ответил виконту, что наше объяснение не терпит отлагательств, и, увидев, что он собирается выставить меня, достал из кармана письма графа и протянул ему одно из них. Узнав почерк отца, виконт смягчился. Он объяснил, что поступает всецело в мое распоряжение, и лишь попросил позволения уведомить тех, кто его ждет. Быстро написав несколько слов, он отдал записку камердинеру и приказал немедленно доставить ее маркизе д'Арланж. После этого мы прошли в соседнюю комнату – библиотеку.

– Одно только слово, – прервал рассказ сыщик. – Увидев письма, он смешался?

– Ничуть. Плотнo прикрыв дверь, он указал мне на кресло, сел сам и сказал: «Теперь, прошу вас, объяснитесь». В прихожей у меня было время подготовиться к разговору. Я решил рубить сплеча. «Господин виконт, – произнес я, – дело это весьма тягостное. Я собираюсь открыть вам нечто невероятное. Умоляю, не отвечайте, пока не ознакомитесь с этими письмами. Кроме того, заклиная вас, не пытайтесь прибегнуть к насилию, это ничего не даст». Он удивленно взглянул на меня и ответил: «Говорите, я слушаю». Я поднялся и проговорил: «Знаете, господин виконт, что вы – внебрачный сын господина де Коммарена. Доказательство – в этих письмах. Законный наследник жив, он и послал меня сюда». При этом я неотрывно смотрел на виконта и заметил, как глаза его вспыхнули гневом. На секунду я даже подумал,

что он схватит меня за горло, но он быстро с собой справился. «Где письма?» – спросил он. Я протянул связку.

– Как? – вскричал папаша Табаре. – Подлинные письма? Но это же безрассудство!

– Почему?

– Он мог их... Да он мог сделать с ними все, что угодно!

Адвокат положил старику руку на плечо.

– Я ведь был там, – глухо ответил он. – Уверю вас, никакой опасности не было.

Лицо у Ноэля вспыхнуло такой яростью, что папаша Табаре даже немного испугался и инстинктивно отодвинулся. «Да он убил бы его!» – подумал старик.

Адвокат продолжил рассказ:

– Я сделал для виконта Альбера то же, что сделал сегодня вечером для вас, мой друг. Я избавил его от чтения, по крайней мере в тот раз, всех ста пятидесяти шести писем. Я посоветовал ему ознакомиться лишь с теми, что помечены крестиком, и обратить особое внимание на строки, подчеркнутые красным карандашом. Тем самым я сокращал его муки...

Виконт сидел за маленьким столиком, таким хрупким, что на него даже нельзя было облокотиться, я же стоял спиной к горящему камину. Я следил за всеми его движениями и наблюдал за лицом. Да, никогда в жизни я не видел ничего подобного; проживи я хоть тысячу лет, этой сцены мне не забыть. Меньше чем за пять минут лицо виконта изменилось настолько, что его не узнал бы даже собственный камердинер. Он схватил носовой платок и время от времени машинально подносил его ко рту. Прямо на глазах он побледнел, а губы его могли сравниться белизной с платком.

На лбу у него сверкали крупные капли пота, глаза потускнели, словно покрылись какой-то пленкой. Но кроме этого – ни возгласа, ни слова, ни вдоха, ни жеста – ничего. Был миг, когда мне стало его так жаль, что хотелось вырвать у него письма, бросить их в огонь, обнять его и воскликнуть: «Ты – мой брат! Забудем же все, останемся каждый на своем месте и станем любить друг друга!»

Папаша Табаре взял руку Ноэля и крепко пожал.

– Узнаю вас, мое благородное дитя! – проговорил он.

– Я не сделал этого только потому, что спросил себя: «Если письма сгорят, признает ли он меня своим братом?»

– Совершенно справедливо.

– Примерно через полчаса виконт кончил читать. Он поднялся и встал передо мною. «Вы правы, – сказал он мне. – Если это письма отца, в чем я не сомневаюсь, то все сходится на том, что я не сын графини де Коммарен». Я молчал. «Но это лишь предположения. Есть ли у вас другие доказательства?» К возражениям я, разумеется, был готов. «Жермен сможет подтвердить», – сказал я. Он ответил, что Жермен скончался несколько лет назад. Тогда я напомнил ему о кормилице, вдове Леруж, и объяснил, что найти и расспросить ее будет нетрудно. Потом добавил, что живет она в Ла-Жоншер.

– И что он на это ответил? – поспешно спросил папаша Табаре.

– Сперва молчал и, казалось, размышлял. Потом вдруг стукнул себя по лбу и сказал: «Ну конечно, я ее знаю! Отец трижды ездил к ней вместе со мной и давал ей большие деньги». Я заметил, что это еще одно доказательство. Он не ответил и принялся мерить шагами библиотеку. Наконец он подошел ко мне и спросил: «Вы знаете законного наследника господина де Коммарена?» – «Это я». Он опустил голову и прошептал: «Так я и думал». Потом взял меня за руку и добавил: «Брат мой, я не держу на вас зла».

– Мне кажется, – проговорил папаша Табаре, – по справедливости не ему бы вас прощать, а вам его.

– Нет, друг мой, ведь это его, а не меня настигло несчастье. С высоты упал не я, а он...

Старик сыщик лишь покачал головой, не желая высказывать вслух обуревавшие его мысли.

– После долгого молчания, – продолжал Ноэль, – я спросил, каково будет его решение. «Послушайте, – проговорил он, – отец вернется через неделю с небольшим. Вы мне дадите эту отсрочку, не так ли? Как только он придет, я объяснюсь с ним, и справедливость восторжествует, даю вам слово чести. Заберите письма и оставьте меня. Я чувствую себя так, словно у меня из-под ног уходит земля. В один миг я потерял все: знатное имя, которое всегда старался носить достойно, прекрасное положение, громадное состояние и, самое главное, быть может, женщину, которую люблю больше жизни. Правда, взамен я обрету мать. Мы будем утешать друг друга. Я постараюсь, сударь, чтобы она вас забыла: она ведь любит вас и станет оплакивать».

– Он в самом деле сказал это?

– Почти слово в слово.

– Негодяй! – проворчал сквозь зубы старик.

– Что вы сказали? – переспросил Ноэль.

– Я говорю, что он достойный молодой человек, – отвечал папаша Табаре, – я был бы счастлив с ним познакомиться.

– Я не показал ему письмо, в котором отец порывает с госпожой Жерди, – добавил Ноэль, – ему лучше не знать о ее падении. Я предпочел обойтись без этого доказательства, чтобы не усугублять горе виконта.

– А что теперь?

– Теперь я жду возвращения графа. Буду действовать в зависимости от того, что он скажет. Завтра пойду в прокуратуру и попрошу разобрать бумаги Клодины. Если письма найдутся, я спасен, если же нет... Но, как я уже говорил, я не могу судить беспристрастно, пока не выясню, кто убийца. К кому мне обратиться за советом?

– Любой совет требует долгих размышлений, – ответил старик, который мечтал уйти. – Бедный мальчик, как вам чудовищно тяжело было все это время!

– Невыносимо! И добавьте еще денежные затруднения.

– Да вы же так мало тратите!

– Пришлось кое-что заложить. Разве я могу прикоснуться к нашим общим деньгам, которыми распорядился до сих пор? Мне и подумать-то об этом страшно.

– Верно, этого делать не следует. Послушайте-ка, вы очень кстати заговорили о деньгах, так как можете оказать мне услугу.

– Охотно. Какую же?

– Понимаете, у меня в столе лежат не то двенадцать, не то пятнадцать тысяч франков, которые меня страшно стесняют. Я стар, я не отличаюсь храбростью, и если про эти деньги кто-нибудь прознает...

– Боюсь... – возразил адвокат.

– И слышать не хочу! – прервал его старик. – Завтра я вам их принесу.

Однако вспомнив, что он собирается к г-ну Дабюрону и, возможно, не будет располагать своим временем, папаша Табаре добавил:

– Нет, не завтра, а сегодня же, сейчас. Эти проклятые деньги не проведут у меня больше и ночи.

Он поднялся наверх и вскоре появился, держа в руке пятнадцать тысячефранковых банкнот.

– Если этого не хватит, – сказал он, протягивая деньги Ноэлю, – есть еще.

– Все же мне хотелось бы, – предложил адвокат, – написать расписку.

– Да зачем? Можно завтра.

– А если я сегодня ночью умру?

– Тогда я еще получу от вас наследство, – ответил старик, вспомнив о своем завещании. – Доброй ночи. Вы спрашивали у меня совета? Мне нужна ночь, чтобы все обдумать, а то сейчас у меня мозги набекрень. Я, может, даже пройдусь. Если я сейчас лягу, мне будут сниться кошмары. Итак, друг мой, терпение и отвага! Кто знает, быть может, в этот миг провидение работает на вас.

Папаша Табаре ушел; Ноэль оставил дверь приоткрытой, прислушиваясь к затихающим на лестнице шагам. Вскоре возглас «Отворите!», обращенный к привратнику, и стук двери возвестили о том, что старик вышел из дома.

Ноэль подождал еще немного и прикрутил лампу. Затем достал из ящика стола маленький сверток, сунул в карман деньги, данные стариком, и вышел из кабинета, который запер на два оборота ключа. На площадке он остановился и прислушался, словно до него мог долететь стон г-жи Жерди. Ничего не услышав, Ноэль на цыпочках спустился вниз. Через минуту он был на улице.

Кроме квартиры на четвертом этаже, г-жа Жерди снимала также помещение на первом, служившее некогда каретным сараем. Она устроила там нечто вроде кладовой, куда сваливала всякое старье: ломаную мебель, негодную утварь, короче, всякий ненужный хлам. Там же хранились запасы дров и угля на зиму.

В этом помещении имелась давно заколоченная дверь, выходившая на улицу. Несколько лет назад Ноэль втихомолку починил ее и врезал новый замок. С тех пор он мог выходить из дома и входить в него в любое время без ведома привратника, а значит, и остальных жильцов.

В эту-то дверь адвокат и вышел на сей раз, отворив и затворив ее с величайшей осторожностью.

Оказавшись на улице, он несколько мгновений постоял, как бы решая, куда направиться. Затем медленно двинулся в сторону вокзала Сен-Лазар и тут увидел свободный фиакр. Ноэль сделал извозчику знак, и тот, придержав лошадь, подогнал экипаж к тротуару.

– На улицу Фобур-Монмартр, угол Провансальской, – приказал адвокат, влезая, – да поживей!

Добравшись до места, он вылез и расплатился с извозчиком. Когда тот отъехал достаточно далеко, Ноэль пошел по Провансальской улице и, пройдя шагов сто, позвонил в один из самых красивых домов.

Дверь тотчас же отворилась.

Когда Ноэль проходил мимо каморки привратника, тот поздоровался с гостем почтительно, покровительственно и дружелюбно в одно и то же время; так парижские привратники здороваются лишь с теми жильцами, которые им по душе, людьми великодушными и щедрыми.

Поднявшись на третий этаж, адвокат остановился, достал из кармана ключ и вошел, словно к себе домой, в среднюю квартиру.

Хотя ключ в замке повернулся почти беззвучно, этого оказалось достаточно, чтобы навстречу Ноэлю выбежала горничная: довольно молодая, довольно хорошенькая, с дерзким взглядом.

– Ах, это вы, сударь! – воскликнула она.

Восклицание было как раз той громкости, какая необходима, чтобы его услышали в глубине квартиры и восприняли как предупреждение. С таким же успехом горничная могла просто крикнуть: «Берегись!» Ноэль, казалось, не обратил на это внимания.

– Хозяйка дома? – спросил он.

– Да, сударь, и очень на вас сердита. Сегодня утром она хотела послать за вами, а недавно собиралась сама к вам поехать. Насилу я отговорила ее не нарушать ваши указания.

– Это хорошо, – сказал адвокат.

– Хозяйка в курительной, – продолжала горничная. – Я готовлю ей чай. Может, вы тоже выпьете?

– Да, – ответил Ноэль. – Посветите мне, Шарлотта.

Он прошел через великолепную столовую, сверкающую позолотой гостиную в стиле Людовика XIV и оказался в курительной.

В этой просторной комнате был очень высокий потолок. Казалось, она находится за тысячи миль от Парижа, во владениях какого-нибудь богатого подданного Поднебесной империи. Мебель, ковры, картины, обои – все здесь было явно привезено прямо из Гонконга или Шанхая.

Стены и двери были задрапированы расписным шелком. На сценках, изображенных киноварью, перед зрителями проходила вся Срединная империя: пузатые мандарины среди фонариков, одурманенные опиумом ученые, спящие под зонтами, девушки, стыдливо опустившие взгляд на свои туго перебинтованные ноги.

Цветы и плоды на ковре – секрет изготовления таких ковров в Европе неизвестен – были вытканы с искусством, которое обмануло бы и пчелу. На шелковой драпировке потолка какой-то великий китайский художник нарисовал на лазурном фоне фантастических птиц с распостертыми золотыми и пурпурными крыльями. Драпировка удерживалась лаковыми рейками, изысканно инкрустированными перламутром; такие же рейки украшали углы комнаты.

Подле одной стены стояли два причудливых сундука. Все помещение было заставлено мебелью самых прихотливых очертаний, столиками с фарфором, шкафчиками из драгоценных пород дерева.

Были там и этажерки, купленные у Лин-Ци в городе художников Сучжоу, множество редких и дорогих безделушек – от палочек из слоновой кости, что заменяют китайцам наши вилки, до фарфоровых чашек тоньше мыльных пузырей, чудес династии Цин².

Посередине комнаты стоял широкий и низкий диван с грудой подушек, обтянутых той же тканью, что и стены. Окно было огромно, словно витрина магазина, с двойными открывающимися рамами. Пространство между рамами с метр шириной было уставлено редкостными цветами. Вместо камина комната была снабжена отдушниками, расположенными таким образом, чтобы поддерживать температуру, необходимую для выведения шелковичных червей.

Когда Ноэль вошел, молодая женщина, свернувшись клубком на диване, курила сигарку. Несмотря на тропическую жару, она была закутана в кашемировую шаль.

Она была невысока ростом, но ведь только миниатюрные женщины могут обладать всеми совершенствами. Женщины, рост которых выше среднего, просто ошибка природы. Как бы красивы они ни были, у них всегда найдется какой-нибудь изъян, словно в творении скульптора, пусть даже талантливого, но впервые взявшегося за слишком большое изваяние.

Да, ростом она была невелика, однако ее шея, плечи и руки поражали плавностью линий. Пальцы ее с розовыми ногтями напоминали драгоценные вещицы, за которыми тщательно ухаживают. Ноги в шелковых, похожих на паутинку чулках были само совершенство. При взгляде на них вспоминались не ножки сказочной Золушки в хрустальных башмачках, но вполне живые, вполне осязаемые ножки банкирши, любившей, чтобы ее почитатели заказывали с них копии из мрамора, гипса или бронзы.

Женщину нельзя было назвать красивой, ни даже хорошенькой, однако лицо ее принадлежало к тем, что поражают, словно удар грома, и никогда не забываются. Лоб у нее был чуть выше, чем нужно, рот чуть великоват, хотя губы пленяли своею свежестью. Брови, казалось, были нарисованы китайской тушью, но художник, пожалуй, слишком нажимал на кисточку: когда она забывала за собой следить, они придавали ей суровый вид. Зато лицо у нее было великолепного светло-золотистого цвета, черные бархатные глаза обладали необычайной магнетической силой, зубы сияли перламутровой белизной, а в удивительно густых черных волосах, тонких и волнистых, мерцали голубоватые отблески.

² Императорская маньчжурская династия, правившая в Китае в 1644–1711 гг.

Увидев Ноэля, откинувшего шелковую портьеру, женщина оперлась на локоть и приподнялась.

– Наконец-то, – произнесла она недовольным тоном. – Вы очень кстати.

Адвокату стало душно в африканской атмосфере курительной комнаты.

– Какая жара! – сказал он. – Здесь можно задохнуться.

– Вы находите? – отозвалась женщина. – А я вот стучу зубами. Мне так плохо. Ожидание невыносимо для меня, я места себе не нахожу, а вы заставляете себя ждать со вчерашнего дня.

– Но я никак не мог прийти, просто никак! – объяснил Ноэль.

– Вам же прекрасно известно, – продолжала дама, – что сегодня подошли сроки платежей и что платить мне нужно много. Набежали поставщики, а у меня за душой ни гроша. Принесли счет от каретника – денег нет. Этот мошенник Клержо, которому я задолжала три тысячи франков, устроил мне ужасный скандал. Как это все неприятно!

Ноэль понурил голову, словно школьник, которому учитель выговаривает за невыученный урок.

– Но ведь задержка-то всего на один день, – пробормотал он.

– По-вашему, это пустяки? – отозвалась молодая женщина. – Уважающий себя человек, друг мой, может позволить опротестовать свой вексель, но никогда – вексель своей любовницы. Да за кого вы меня считаете? Неужели вам не известно, что мое положение в обществе зависит прежде всего от денег? Стоит мне не заплатить по векселям – и все, конец.

– Жюльетта, дорогая, – ласково начал адвокат.

Она резко его прервала:

– Ну разумеется: «Жюльетта, дорогая, обожаемая». Пока вы здесь, все очаровательно, но только выйдете за порог, вас не дозовешься. Наверное, и не вспомните даже, что есть такая Жюльетта...

– Это несправедливо! – возразил Ноэль. – Вы же знаете, я постоянно думаю о вас, я тысячу раз вам это доказывал. А сейчас докажу снова.

Он достал из кармана пакетик, взятый им из стола, развернул его и показал прелестную бархатную коробочку.

– Это браслет, что так понравился вам неделю назад на витрине у Бограна.

Мадам Жюльетта, не поднимаясь, протянула руку за коробочкой, открыла ее небрежно и безразлично, взглянула на браслет и неопределенно хмыкнула.

– Тот самый? – спросил Ноэль.

– Да, но у торговца он нравился мне гораздо больше.

Она закрыла коробочку и бросила ее на столик.

– Не везет мне сегодня, – проговорил адвокат с досадой.

– А что?

– Я вижу, браслет вам не по душе.

– Ну почему же? Он прелестен. И кроме того, он довершает вторую дюжину.

Теперь, в свою очередь, хмыкнул Ноэль. Жюльетта промолчала, и он добавил:

– Что-то не верится, чтобы вы были ему рады.

– Вот оно что! – воскликнула дама. – Вам кажется, что я недостаточно жарко выражаю свою признательность. Вы принесли мне подарок и считаете, что я тут же должна отплатить сполна: наполнить дом радостными криками, прыгнуть к вам на колени, называя вас щедрым и великодушным повелителем.

Ноэль не смог сдержать нетерпеливого жеста, который не ускользнул от Жюльетты и привел ее в полный восторг.

– Этого будет достаточно? – продолжала она. – Или вы хотите, чтобы я позвала Шарлотту и похвасталась ей этим замечательным браслетом, памятником вашему благородству?

А может, нужно пригласить привратника и кухарку, чтобы сказать им, как я счастлива, имея столь щедрого любовника?

Адвокат пожал плечами с видом философа, который не обращает внимания на проказы ребенка.

– К чему эти язвительные шутки? – произнес он. – Если вы и в самом деле обижены на меня за что-то, скажите прямо.

– Ладно же, будем говорить прямо, – ответила Жюльетта. – Вот что я хочу вам сказать: лучше бы вы забыли об этом браслете и принесли мне вчера вечером или сегодня утром восемь тысяч франков, которые мне так необходимы.

– Я не мог прийти.

– Значит, надо было прислать: посыльные на улицах еще не перевелись.

– Раз я их вам не принес и не прислал, значит, у меня их не было, мой друг. Прежде чем я их нашел, мне пришлось побегать, да и то мне обещали только завтра. Те деньги, что я принес, достались мне по чистой случайности, на которую я не рассчитывал еще час назад; я просто схватился за них, рискуя поставить себя в неудобное положение.

– Бедняжка! – сказала Жюльетта с насмешливой жалостью. – И вы осмеливаетесь мне говорить, что с трудом достали десять тысяч франков!

– Да, осмеливаюсь.

Молодая женщина посмотрела на любовника и разразилась хохотом.

– В роли бедного юноши вы неподражаемы!

– Это не роль.

– Вы только так говорите, дорогой мой, а сами все-таки явились. Это ваше милое признание лишь предисловие. Завтра вы объявите, что весьма стеснены в средствах, а послезавтра... Вас просто снедает скупость. Раньше вы были лишены этой добродетели. Быть может, вы испытываете угрызения совести из-за денег, что мне дали?

– Вот дрянь! – пробормотал в сердцах Ноэль.

– В самом деле, – продолжала дама, – мне вас жаль, и весьма. Злополучный любовник! Может, мне устроить подписку в вашу пользу? На вашем месте я обратилась бы в комитет общественного призрения.

Несмотря на все усилия остаться спокойным, Ноэль взорвался.

– Вы полагаете, это шутки? – воскликнул он. – Знайте же, я разорен, у меня кончились последние сбережения. Я совсем потерял голову!

Глаза у молодой женщины засверкали, она с нежностью взглянула на любовника:

– Ах, если бы это была правда, котик! Если бы я могла тебе поверить!

Для Ноэля ее взгляд был как нож острый. Сердце его разрывалось.

«Она поверила, – подумал он, – и до смерти рада. Она ненавидит меня».

Он ошибался. Мысль о том, что мужчина любит ее до такой степени, что разорился из-за нее без слова упрека, приводила ее в восторг. Она чувствовала, что готова любить этого впавшего в нищету человека, который был ей ненавистен, пока был богат и горд. Однако выражение ее глаз очень скоро изменилось.

– Ну и дурочка я! – вскричала она. – Уже и поверила, уже и пожалела. У него, видите ли, деньги текут сквозь пальцы. Рассказывайте кому другому, мой дорогой! Сейчас ведь все мужчины считают денежки не хуже ростовщиков. Разоряются лишь немногие олухи – тщеславные мальчишки да иногда сластолюбивые старички. Вы же – очень хладнокровны, серьезны и, уж конечно, очень сильны.

– Но не с вами, – прошептал Ноэль.

– Довольно! Оставьте меня наконец в покое, вы ведь прекрасно знаете, что делаете. У вас ведь вместо сердца двойное зеро, как на рулетке в Хомбурге³. Заполучив меня, вы сказали себе: «Я буду платить за любовь как таковую». И слово свое вы сдержали. Такое помещение капитала не хуже любого другого; каждый имеет свою выгоду. Вы способны на любые безумства по твердой цене – четыре тысячи франков в месяц. А если выйдет дороже, хотя бы на двадцать су, вы заберете под мышку сердце и шляпу и отправитесь туда, где вам не придется переплачивать.

– Верно, – холодно ответил адвокат, – считать я умею, и это весьма полезно. Я точно знаю, куда и как идут мои деньги.

– В самом деле? – с издевкой спросила Жюльетта.

– Да, и могу рассказать вам, дорогая моя. Поначалу вы были не слишком требовательны. Но аппетит приходит во время еды. Вам захотелось роскоши, и вы ее получили: у вас есть квартира, прекрасная обстановка, невообразимые туалеты – я не отказывал вам ни в чем. Вы захотели иметь карету и лошадь – пожалуйста. Я не говорю уже о тысяче ваших прихотей. Не считаю ни этой китайской комнаты, ни двух дюжин браслетов. Все вместе стоило четыреста тысяч франков.

– Вы уверены?

– Как человек, у которого они были, а теперь нет.

– Ровно четыреста тысяч? Без сантимов?

– Ровно.

– Ну а если я представлю вам счет, мой друг, то вы еще останетесь мне должны.

Горничная, которая принесла чай, прервала этот любовный дуэт, коему предшествовала уже не одна репетиция. При виде Шарлотты адвокат замолчал. Жюльетта хранила молчание ради любовника, у нее не было секретов от Шарлотты, которая служила ей уже три года и которой она охотно прощала все, даже красавца любовника, обходившегося довольно дорого.

Г-жа Жюльетта Шаффур была парижанкой. Она родилась в 1839 году где-то на Монмартре от неизвестного отца. Все ее детство представляло череду равно неистовых ласк и взбучек. Питалась она скверно – одними конфетами да подпорченными фруктами, но ее желудку ничто не могло повредить. В двенадцать лет была она худа как щепка, зелена, как незрелое яблоко, и порочна, как все обитательницы Сен-Лазара⁴, вместе взятые. Г-н Прюдом⁵ сказал бы, что эта юная особа начисто лишена нравственных начал.

У нее не было ни малейшего представления об этом абстрактном понятии. Она полагала, что весь мир состоит из порядочных людей, живущих, как ее матушка, друзья ее матушки и ее собственные друзья. Она не боялась ни Бога, ни черта, однако опасалась полицейских. Кроме того, ее страшили некие таинственные и жестокие личности, которые, судя по разговорам, жили где-то в окрестностях Дворца правосудия и испытывали злбную радость, причиняя горе хорошеньким девочкам.

Поскольку она не обещала стать красавицей, ее решили определить в магазин, но тут некий почтенный старик, знававший некогда ее мамашу, взял ее под свое покровительство. Благоразумный и предусмотрительный, как все старики, он был знатоком и понимал: что посеешь, то и пожнешь. Поэтому он решил сперва придать своей протеже лоск образованности. Он нанял ей учителей, она стала брать уроки музыки, танцев и меньше чем за три месяца научилась писать, немного бренчать на рояле и овладела первыми началами искусства, которое вскружило голову не одному любителю танцев.

³ Хомбург (Бад-Хомбург) – известный курорт в Германии, где в ту пору был игорный дом.

⁴ Женская тюрьма в Париже.

⁵ Жозеф Прюдом – персонаж французского писателя Анри Монье (1799–1877), олицетворение самодовольной посредственности.

Единственное, чего старик ей не дал, – это любовника. Его она выбрала сама: то был художник, не научивший ее ничему новому, но похитивший ее у старика; он предложил ей половину того, что имел, то есть ничего. Наскучив им через три месяца, она покинула гнездышко первой любви, унося с собой весь свой гардероб, завернутый в носовой платок.

В течение следующих четырех лет Жюльетта жила по преимуществу теми надеждами, какие никогда не оставляют женщину, сознающую, что она хороша собой. Она то опускалась на дно, то вновь выплывала на поверхность. Дважды рукой в дорогой перчатке в дверь к ней стучалась удача, однако у Жюльетты недоставало присутствия духа ухватить гостью за полы пальто.

С помощью некоего актера она дебютировала в театре и даже стала уже довольно бойко декламировать роли, когда совершенно случайно ее встретил Ноэль, влюбился и взял на содержание.

Поначалу «мой адвокат», как она его называла, особого неудовольствия у нее не вызывал, однако через несколько месяцев надоел. Он раздражал ее мягкостью и учтивостью, светскими манерами, благовоспитанностью, плохо скрываемым презрением ко всему низкому и подлому и в особенности неизменным, неистощимым терпением. Ее весьма огорчало, что он не был весельчаком и наотрез отказывался водить ее в славные местечки, где царит веселье без предрассудков. Чтобы развлечься, Жюльетта начала сорить деньгами. И по мере того как росли ее амбиции и умножались жертвы любовника, возрастала ее неприязнь к нему.

Она сделала его несчастнейшим из людей и обращалась с ним как с собакой, причем не из врожденной зловредности, а намеренно, из принципа. Она была убеждена, что чем больше огорчений причиняет, чем больше зла приносит, тем сильнее ее любят.

Жюльетта не была злой и очень жалела себя. Она мечтала, чтобы ее любили какой-то особенной любовью, и даже чувствовала, как именно, но объяснить не могла. Для своих любовников она была лишь игрушкой или предметом роскоши, понимала это и, поскольку пренебрежение было ей невыносимо, приходила в ярость. Ей хотелось, чтобы возлюбленный был ей предан и многим для нее жертвовал, чтобы он опускался до ее уровня, а не стремился поднять до своего. Но она уже отчаялась встретить такого человека.

Безумные траты Ноэля оставляли ее холодной как лед; она полагала, что он весьма богат, а саму ее, как это ни странно, деньги занимали мало, хотя алчность была ей не чужда. Возможно, Ноэль покорила бы ее, если бы прямо, без обиняков раскрыл ей глаза на свое положение; потерял же ее он из-за своей сдержанности и даже скрытности, поскольку никогда не упоминал о жертвах, на которые шел ради нее.

Он ее обожал. До рокового дня их встречи Ноэль жил целомудренно. Первая страсть выжгла его, и после этой катастрофы уцелела одна лишь оболочка. Остались четыре стены, но внутри дом весь выгорел. У всякого героя есть уязвимое место: Ахилл погиб, пораженный в пяту; даже у самого искусного воина в броне есть изъяны.

Ноэль покорила Жюльетте и шел на бесчисленные уступки. Этот образцовый молодой человек, адвокат с незапятнанной репутацией, этот суровый моралист спустил на нее за четыре года не только свое состояние, но и состояние г-жи Жерди.

Он любил Жюльетту неистово, безрассудно, безмерно, слепо. При ней он забывал осторожность и все говорил напрямик. У нее в будуаре он сбрасывал маску привычной осторожности, и тут все его недостатки выступали наружу. Ему так нравилось быть перед нею робким и податливым, что он и не пытался бороться. Она стала его владычицей. Иногда он пробовал сопротивляться ее безумным прихотям, но она сгибала его, словно ивовый прут. Он чувствовал, что под взглядом черных глаз этой девчонки его решимость тает быстрее, чем снег под апрельским солнцем. Она терзала его, но умела и утешить улыбкой, слезами или поцелуем.

Временами, когда он находился вдали от обольстительницы, к нему возвращался рассудок, и в минуты просветления он говорил себе: «Она не любит меня, она мною играет!» Однако

верность пустила у него в сердце столь глубокие корни, что вырвать их он не мог. Ноэль безмерно ревновал, но удерживался от напрасных проявлений этого чувства. Веские причины сомневаться в верности любовницы бывали у него не раз, и все же ему всегда не хватало смелости высказать открыто свои подозрения. «Если я окажусь прав, – думал он, – придется либо уйти от нее, либо принимать все как есть». Мысль о том, чтобы бросить Жюльетту, повергала его в ужас; он чувствовал: страсть его столь раболепна, что ради нее он примет любые унижения.

Горничная довольно долго расставляла чайные принадлежности, и Ноэль успел тем временем собраться с мыслями. Он смотрел на Жюльетту, и гнев его улетучивался. Адвокат даже начал спрашивать себя, не слишком ли он был с нею резок.

Когда Шарлотта ушла, он сел рядом с любовницей на диван и обнял ее.

– Что-то ты сегодня сердита, – сказал он ласково. – Если я в чем-то и провинился, ты меня уже наказала. Поцелуй меня, и помиримся.

Жюльетта раздраженно оттолкнула его и холодно промолвила:

– Оставьте меня. Сколько раз вам повторять: я сегодня плохо себя чувствую.

– Плохо себя чувствуешь, друг мой? Что с тобою? – спросил адвокат. – Хочешь, я пошлю за врачом?

– Не утруждайтесь. Я знаю, что у меня за болезнь: это скука. Вы вовсе не тот врач, который мне нужен.

Ноэль с унылым видом встал и сел за чайный стол напротив любовницы. Его покорность говорила о том, насколько он привык к таким грубым отказам. Жюльетта обходилась с ним дурно, а он все возвращался, словно несчастный пес, который целыми днями ждет, когда на его ласки обратят внимание. А ведь он слыл суровым, вспыльчивым, своенравным! И в сущности, это так и было.

– Последние месяцы вы часто говорите, что я вам наскучил, – продолжал он. – Что же мне для вас сделать?

– Ничего.

– Ну а все-таки?

– У меня теперь не жизнь, а сплошная зевота, – ответила молодая женщина, – и вовсе не по моей вине. Думаете, быть вашей любовницей весело? Да посмотрите вы на себя! Есть ли на свете создание более печальное и унылое, чем вы, более беспокойное, подозрительное, да вдобавок еще и постыдно ревнивое.

– Вы так встречаете меня, – отважился вставить Ноэль, – что и впрямь пропадет всякая охота радоваться и откровенничать. К тому же где любовь, там и опасения.

– Хорошенькое дело! Тогда нужно подыскать женщину по себе, по своей мерке, запереть ее в подвале и выпускать раз в день, после обеда, на десерт вместе с шампанским – чтобы поразвлечься.

– Лучше бы мне вовсе не приходиться, – пробормотал адвокат.

– Ну конечно! А я сиди здесь одна и утешайся сигаркой да какими-то книжонками, от которых только спать хочется! Ну что это за жизнь – торчать безвылазно дома?

– Так живут все порядочные женщины, которых я знаю, – сухо ответил адвокат.

– Благодарю! В таком случае я, по счастью, не отношусь к порядочным женщинам, и мне надоело жить взаперти и любоваться лишь вашей физиономией, словно жене какого-нибудь турка.

– Это вы-то живете взаперти?

– Разумеется, – продолжала Жюльетта все более едко. – Скажите, вы хоть когда-нибудь приводили сюда своих приятелей? Нет, вы изволите меня прятать. Когда вы предлагали мне пойти прогуляться? Никогда: ваше достоинство может пострадать, если вас увидят вместе со

мною. У меня есть карета: часто ли мы в ней катались? Да и то вы опускали занавески. Я выезжаю одна, гуляю одна...

– Старая песня, – прервал Ноэль, которым опять начал овладевать гнев, – без конца одни и те же беспричинные оскорбления. Будто вы не знаете, почему все так.

– Мне прекрасно известно, – гнула свое молодая женщина, – что вы стыдитесь меня. Однако я знаю людей и познатнее вас, которые не стесняются своих любовниц. Вы изволите бояться, что я запятнаю прекрасное имя Жерди, а между тем отпрыски самых знатных фамилий не боятся показаться в ложе в обществе кокоток.

На этот раз, к большому удовольствию г-жи Шаффур, Ноэль взбесился.

– Хватит упреков! – воскликнул он, вскочив. – Если я скрываю наши отношения, то лишь потому, что это необходимо. На что вы жалуетесь? Я предоставил вам свободу, и вы пользуетесь ею столь широко, что я понятия не имею о вашем времяпрепровождении. Вы мне пеняете на пустоту, которую я создал вокруг вас? А кто виноват? Разве это мне наскучила покойная и скромная жизнь? Мои друзья могли бы прийти в пристойную зажиточную квартиру, но как я приглашу их сюда? Увидев вашу роскошь, это бесстыдное свидетельство моего безрассудства, они тут же зададут себе вопрос, откуда у меня столько денег?

Я могу содержать любовницу, но у меня нет права швырять на ветер состояние, которое мне не принадлежит. Если завтра станет известно, что вас содержу я, мне конец. Какой клиент доверит свои дела дураку, разорившемуся ради женщины, о которой говорит весь Париж? Я – не аристократ, я не рискую ни прославленным в веках именем, ни громадным состоянием. Я Ноэль Жерди, адвокат, все, что у меня есть, – это моя репутация. Она ложна – пусть так. Но какова бы она ни была, я должен ее беречь, и я ее сберегу.

Жюльетта, зная Ноэля как облупленного, решила, что зашла слишком далеко, и принялась его успокаивать.

– Хорошо, хорошо, мой друг. Я не хотела причинить вам боль, – сказала она ласково. – Имейте снисхождение, просто сегодня я что-то очень раздражительна.

Такая перемена пришлась адвокату по душе, и он почти успокоился.

– Своею несправедливостью вы меня просто с ума сводите, – вздохнул он. – Я из сил выбиваюсь, чтобы хоть чем-то порадовать вас! Вы все упрекаете меня за серьезность, а ведь и двух дней не прошло, как мы с вами так повеселились на карнавале. В тот вторник я резвился, точно студент. Мы ходили в театр, на бал в Оперу, я нарядился в домино, пригласил двух друзей отужинать с нами.

– Да уж, то-то было весело! – произнесла молодая женщина, надув губы.

– По-моему, было.

– Вы так считаете? Не слишком-то вы разборчивы! Мы были на водевиле, верно, но только, как всегда, по отдельности: я одна на галерке, вы в партере. На балу у вас был такой вид, словно вы на похоронах. За ужином ваши друзья сидели с кислыми физиономиями. Вы велели, чтобы я притворилась, будто едва с вами знакома. Сами же пили как лошадь, а я даже не могла понять, под хмельком вы или нет.

– Это доказывает, – прервал Ноэль, – что никогда нельзя себя принуждать. Поговорим о чем-нибудь другом. – Он прошелся по комнате и вытащил часы. – Через час, друг мой, я вас покину.

– Разве вы не останетесь?

– Нет. К величайшему сожалению, моя мать серьезно заболела.

Ноэль выложил на стол и пересчитал деньги, взятые у папаши Табаре.

– Маленькая моя Жюльетта, – произнес он, – здесь не восемь тысяч, а десять. Вы не увидите меня несколько дней.

– Вы уезжаете из Парижа?

– Нет, но я буду занят делом, которое имеет для меня первостепенную важность. Первостепенную! Если оно удастся, моя милая, наше будущее обеспечено, и ты узнаешь, как я тебя люблю.

– Ох, Ноэль, дорогой, расскажи!

– Не могу.

– Ну прошу тебя! – воскликнула молодая женщина и, обняв любовника за шею, приподнялась на цыпочки так, что губы их сблизились.

Адвокат поцеловал ее, решимость его пошатнулась.

– Нет! – выговорил он наконец. – В самом деле, не могу. Не стану радовать тебя раньше времени. А теперь, дорогая, слушай меня внимательно. Что бы ни произошло – понимаешь? – ни в коем случае не приходи ко мне, как ты имела неосторожность это делать, даже не пиши. Если не послушаешься, сильно навредишь мне. Если вдруг с тобой что-нибудь случится, отправь мне записку с этим старым чудаком Клержо. Я увижусь с ним послезавтра, у него мои векселя.

Жюльетта отступила и шаловливо погрозила Ноэлю пальчиком.

– Значит, ты так-таки ничего мне не скажешь?

– Сегодня нет. Скоро, – отвечал адвокат, смешавшись под взглядом любовницы.

– Вечно какие-то тайны! – воскликнула Жюльетта, раздосадованная, что ее нежность оказалась бессильна.

– Клянусь, это в последний раз.

– Ноэль, голубчик, – снова, уже серьезно, принялась убеждать молодая женщина, – ты что-то от меня скрываешь. Ты же знаешь, я тебя насквозь вижу, последнее время ты сам не свой. Ты очень переменялся.

– Клянусь тебе...

– Не нужно клясться, все равно не поверю. Только предупреждаю: никаких фокусов, я сумею за себя постоять.

Адвокат явно чувствовал себя не в своей тарелке.

– Да ведь дело может и не выгореть, – пробормотал он.

– Хватит! – прервала его Жюльетта. – Все будет по-твоему, обещаю. А теперь, сударь, поцелуйте меня, я собираюсь лечь.

Не успел Ноэль уйти, как Шарлотта уже сидела на диване подле хозяйки. Останься адвокат за дверью, он услышал бы, как Жюльетта говорит:

– Нет, я решительно не намерена больше его терпеть. До чего несносен! Ах, если бы он не нагонял на меня такого страха, я бросила бы его. Но он способен меня убить!

Горничная пыталась защищать Ноэля, но тщетно: молодая женщина, ничего не слушая, продолжала:

– Почему я так редко его вижу, что он затевает? С какой стати он исчез на целую неделю? Это подозрительно. Уж не собрался ли он случаем жениться? Ах, если бы знать! Ты опостылел мне, мой милый, и в одно прекрасное утро я тебя брошу, но не потерплю, чтобы ты оставил меня первый. Неужели он женится? Этого я не вынесу. Нужно бы разведать...

Однако Ноэль не подслушивал за дверью. Он выскочил на Провансальскую улицу, добрался до дому и вошел тем же путем, что и выходил, – через бывший каретный сарай. Не пробыв он у себя в кабинете и пяти минут, как в дверь постучали.

– Сударь, – послышался голос прислуги, – сударь, отзовитесь, во имя неба!

Ноэль открыл дверь и раздраженно воскликнул:

– Ну что там еще?!

– Сударь, – проговорила служанка, заливаясь слезами, – я стучалась уже три раза, а вы все не отвечаете. Пойдемте, умоляю вас. Боюсь, госпожа умирает.

Адвокат поспешил вслед за служанкой в комнату г-жи Жерди. Больная так страшно переменялась, что он содрогнулся.

Накрытая одеялами, она тряслась в лихорадке, лицо ее сделалось таким бледным, словно в жилах у нее не осталось ни капли крови; глаза, горевшие мрачным огнем, казалось, подернулись тонкою пленкой. Распушенные волосы обрамляли лицо и спускались на плечи, отчего г-жа Жерди выглядела еще ужасней. Из груди у нее порой вырывался слабый стон, иногда она что-то неразборчиво бормотала. Временами при сильных приступах боли она вскрикивала: «Больно! Больно!» Ноэля она не узнала.

– Видите, сударь, – сказала служанка.

– Кто же мог предположить, что болезнь будет развиваться столь стремительно? Быстрее бегите к доктору Эрве: пусть встает и немедленно идет сюда. Скажите, я просил.

Распорядившись, Ноэль сел в кресло лицом к больной.

Доктор Эрве был старым другом Ноэля, его соучеником и товарищем по Латинскому кварталу. История доктора Эрве – это история одного из тех молодых людей, которые без денег, без связей, без протекции осмеливаются посвятить себя самой трудной, самой сомнительной профессии, какая существует в Париже. Увы, нередко случается, что молодые талантливые врачи ради пропитания вступают в сговор с самыми бесчестными аптекарями.

Человек поистине замечательный и знавший себе цену, Эрве, закончив учение, сказал себе: «Нет, я не стану прозябать в деревенской глуши, я останусь в Париже, стану знаменит, сделаюсь главным врачом больницы и кавалером ордена Почетного легиона».

Чтобы вступить на этот путь, в конце которого маячила ослепительная триумфальная арка, будущий академик залез в долги на двадцать тысяч франков. Нужно было снять и обставить помещение, а это стоит недешево.

Затем, вооружившись долготерпением и неукротимой волей, он стал бороться и ждать. Но кто может себе представить, что значит ждать в таких условиях? Чтобы понять, нужно пройти через все это. Умирать от голода – во фраке, свежевыбритым и с улыбкой на губах! Современная утонченная цивилизация придумала эту муку, и перед ней бледнеют самые жестокие пытки дикарей. Начинающий врач пользуется бедняков, которым нечем платить. А больные – народ неблагодарный. Выздоровливая, они прижимают врача к груди и называют своим спасителем. Выздоровев, они смеются над медиками и с легкостью забывают о гонораре.

После семи лет героических усилий у Эрве образовалась наконец приличная практика. Все это время он платил чудовищные проценты по долгу, но тем не менее ему удалось приобрести известность. Несколько брошюр, премия, полученная без особых интриг, привлекли к нему внимание.

Увы, это был уже не тот жизнерадостный молодой человек, которого в день первого визита переполняли надежды и уверенность в будущем. Он еще хотел, и сильнее, чем когда бы то ни было, добиться своего, преуспеть, однако радости от преуспевания уже не ждал. Слишком много он мечтал об успехе вечерами, когда ему не на что было пообедать. За свое будущее богатство, сколь бы оно ни оказалось велико, он уплатил с лихвой. Преуспеть для него теперь означало лишь взять реванш. В свои тридцать пять лет он познал столько разочарований и обманутых надежд, что ни во что не верил. Под его напускной доброжелательностью таилось безмерное презрение. Проницательность, обострившаяся за годы нужды, мешала ему, поскольку людей прозорливых обычно опасаются, и он старательно скрывал ее под маской добродушия и беспечности.

Вместе с тем он был добр и преданно любил друзей.

Одетый кое-как, он вошел в спальню г-жи Жерди и спросил:

– Что случилось?

Ноэль молча пожал ему руку и вместо ответа указал на постель. Доктор взял лампу, осмотрел больную и подошел к другу.

– Что с ней было? – отрывисто спросил он. – Мне необходимо знать.

Услышав вопрос, адвокат вздрогнул.

– Что – знать? – пробормотал он.

– Все! – отвечал Эрве. – У нее воспаление головного мозга, сомнений тут нет. Болезнь эта встречается не так часто, хотя мозг есть у каждого человека и работает в течение всей его жизни. Ее причины? Нет, отнюдь не повреждение мозга, не травма черепа, но жестокие душевные потрясения, сильное огорчение, какая-нибудь внезапная катастрофа...

Ноэль жестом прервал приятеля и отвел к окну.

– Да, мой друг, – тихо заговорил он, – госпожа Жерди испытала недавно сильное потрясение, она в страшном отчаянии. Послушай, Эрве, я полагаюсь на твою честь и дружбу и хочу доверить тебе нашу тайну: госпожа Жерди мне не мать, ради своего сына она лишила меня состояния и имени. Три недели назад я открыл этот недостойный обман; она знает об этом, последствия привели ее в ужас, и с тех пор она медленно умирает.

Адвокат ожидал, что его друг вскрикнет от удивления, станет задавать вопросы. Однако врач принял это известие не моргнув глазом, просто как сведения, необходимые ему для лечения.

– Три недели, – пробормотал он, – все ясно. У нее были какие-нибудь недомогания в это время?

– Она жаловалась на жестокие головные боли, головокружения, нестерпимую боль в ухе, но все это относилась на счет мигрени. Не скрывай от меня ничего, Эрве, прошу тебя, скажи: это серьезно?

– Настолько серьезно, друг мой, настолько опасно, что медицине известны лишь единичные случаи выздоровления.

– Боже мой!

– Тебе ведь хотелось знать правду – ты ее услышал. Я решился сообщить ее только потому, что бедная женщина тебе не мать. Да, она погибла, если только не случится чуда. Но мы должны надеяться на чудо. И можем помочь ему совершиться. А теперь за работу!

V

Часы на вокзале Сен-Лазар пробили одиннадцать, когда папаша Табаре, распrostившись с Ноэлем, вышел из дома, потрясенный всем услышанным. Вынужденный сдерживаться во время разговора, он наслаждался теперь свободой, с какой мог обдумать свои впечатления. Первые шаги по улице он проделал шатаясь, точно пьяный, который вышел на свежий воздух из душной харчевни. Он сиял от радости, но вместе с тем был ошеломлен непредвиденной стремительностью событий, которые, как он надеялся, приближали его к установлению истины.

И хоть папаша Табаре спешил поскорее добраться до дома следователя, фиакр он брать не стал. Он чувствовал, что ему нужно пройтись, так как был из тех, кому движение проясняет ум. При ходьбе мысли у него укладывались на свои места, одна к другой, словно зерна пшеницы в кувшине, который хорошенько встряхнули.

Не торопясь, он добрался до улицы Шоссе-д'Антен, пересек бульвар, сияющий огнями кафе, и вышел на улицу Ришелье.

Он шагал, отрешившись от внешнего мира, спотыкаясь на выбоинах тротуара, подскользываясь на грязной мостовой. Правильную дорогу он выбирал только благодаря инстинкту, какой руководит животными. Мысленно он рассматривал возможные повороты дела, следуя сквозь мрак за таинственной нитью, незримый конец которой он ухватил в Ла-Жоншер.

Как все, кто испытывает сильное волнение, папаша Табаре не замечал, что говорит вслух, совершенно не заботясь о том, что его восклицания и обрывки фраз можно подслушать. В Париже на каждом шагу попадаются подобные люди, которых отделяет от толпы какое-либо

сильное чувство, они выбалтывают во всеуслышание самые свои сокровенные тайны, подобно треснувшим вазам, из которых вытекает содержимое. Этих бормочущих себе под нос чудачков прохожие часто принимают за безумцев. Иногда за ними следуют зеваки, забавляющиеся их странными излияниями. Именно из-за болтливости такого рода стало известно о разорении богатейшего банкира Роскары. Так же выдал себя и Ламбрет, убийца с Венецианской улицы.

– Какое везение! – бормотал папаша Табаре. – Какая невероятная удача! Что бы там ни говорил Жевроль, случай – вот величайший сыщик. Кто бы мог выдумать подобную историю? А все же я был недалек от истины. Я чуял, что за всем этим кроется ребенок. Но разве возможно было предполагать, что детей подменили? Прием столь избитый, что им уже не пользуются даже бульварные писаки. Это доказывает, что полиции опасно иметь предвзятые мнения. Она страшится невероятного, а оно-то и оказывается правдой. Она отступает перед нелепостью, а ее-то и надо развивать. Все возможно.

Ей-богу, этот вечер мне дороже, чем тысяча экю. Одним выстрелом я убиваю двух зайцев: нахожу виновного и помогаю Ноэлю восстановить свои права. Вот уж кто поистине достоин выпавшего ему счастья! На сей раз я не сожалею: повезло молодому человеку, прошедшему школу несчастий. А впрочем, он будет не лучше других. Богатство вскружит ему голову. Разве он не заговаривал уже о своих предках? Слаб человек – я едва удержался, чтобы не расхохотаться... Но больше всего меня поражает эта Жерди. Женщина, которой я дал бы причастие без всякой исповеди! Когда подумаю, что я чуть было не попросил ее руки... Бр-р!

При этой мысли старик содрогнулся. Он представил себе, что уже женился, и вдруг открывается прошлое г-жи Табаре, и он оказывается замешан в скандальный процесс, скомпрометирован, выставлен на посмешище.

– Подумать только, – продолжал он, – Жевроль рыщет в поисках человека с серьгами! Бегай, мой мальчик, бегай, движение на пользу молодым. Вот раздосадуется-то он, когда узнает! Разозлится на меня до смерти. А я немного посмеюсь над ним. Если же он начнет строить мне козни, меня защитит господин Дабюрон. Я как-нибудь выведу его из такого лабиринта! У него небось глаза сделаются словно блюдца, когда я скажу ему: «Я знаю преступника!» А уж как он мне будет обязан! Этот процесс прославит его, если только на свете существует справедливость. Его должны сделать по меньшей мере кавалером Почетного легиона. Тем лучше! Он мне нравится, этот следователь. Если он спит, я сделаю его пробуждение приятным. Да он засыплет меня вопросами! Захочет знать все до тонкости, станет вникать во всякую мелочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.